

Александр А. Локшин

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
(издание 3 испр)

2019

© 2019 Александр А. Локшин

Александр А. Локшин родился в 1951 году, живет в Москве, преподает математику в пединституте. Сын композитора Александра Лазаревича Локшина. Автор сборника стихов «Болтовня глухонемых» (2003, 2015)

Содержание

1. Предисловие	5
2. Птичий человек.....	8
3. Реинкарнация.....	11
4. Бесследное исчезновение.....	14
5. Страх.....	17
6. Старик в автобусе.....	20
7. Бегство.....	22
8. Любитель чтения.....	25
9. Я никогда не выхожу на балкон.....	28
10. Приключение.....	30
11. Животное.....	33
12. Господин Зусман.....	36
13. Банкет.....	39
14. Предбанник морга.....	43
15. Анекдотический человечек.....	46
16. Вечерняя музыка.....	50
17. Любовь-2.....	54
18. Завтрак на траве.....	58
19. Яблоко.....	62
20. Застолье.....	65
21. Жизнь продолжается.....	68
22. Момент узнавания.....	71
23. День Мучителя.....	74
24. Месть.....	77
25. Окно.....	81
26. Разочарование.....	83
27. Пробуждение.....	86
28. Тараканиссимо.....	88
29. Черный ангел.....	91
30. Экзамен.....	94

31. Воронка.....	96
32. Консьержка и параллельный мир.....	98
33. Открытие.....	101
34. В купе.....	103
35. Доктор Моргов (пьеса).....	105
36. Дар.....	108
37. Телефонный разговор.....	111
38. Часы.....	113
39. Свисток от чайника.....	115
40. Лисица.....	119
41. Тайна.....	121
42. Отражение Z.....	124
43. Пещера.....	127
44. Прогулка.....	129
45. Дегустация (пьеса).....	131
46. Фига.....	135
47. Не судьба.....	138
48. Кто-то пробежал и исчез.....	141
49. Подарок.....	143
50. Облачко.....	146
51. Тающий в темноте.....	149
52. Полуяринофф.....	153
53. Август Юрьич.....	156
54. Профессор Кислосшеев.....	159
55. Песочные часы.....	162
.	
ОЧИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА (три пьесы и документ общественной важности).....	164

1. Предисловие к первому изданию

Писать предисловие к книжке рассказов Локшина – сложная для меня задача. Во-первых, потому, что я знаю автора не один десяток лет, а во-вторых, рассказы до того короткие, что желательно уложиться в несколько строчек, иначе оно (предисловие) сразу “перевесит”...

Автором создан, на мой взгляд, оригинальный жанр: я назвала бы его “характеристические (мгновенные) зарисовки”. Это короткие отрывки, лаконично и концентрированно изложенные – в одном, сразу узнаваемом стиле. Как сказал бы поэт: “Он (автор) нашёл свою Ноту”. Или: “Имеет свой Голос”. Так как я не литературовед, то аналогов не искала, но они сами нашлись: Сологуб, Набоков, Зощенко... Ещё мне спонтанно приходит на ум “Голубь” Патрика Зюскинда. Очень свой юмор, от которого вовсе даже не весело. Герой – который и не герой совсем, а скорее антигерой. Пожалуй, можно добавить, что продолжена гоголевская тема “маленького человека”. И еще: сюжет многих рассказов как бы балансирует на очень тонкой грани между действительностью и сном.

Рассказ “Вечерняя музыка” был впервые опубликован в

электронной версии журнала “Этажи” (2015, №1), а почти все остальные рассказы – в "Мастерской" Евгения Берковича в 2015- 2016 годах.

Думаю, оценку в предисловии давать неуместно. Книжка – вот она у вас в руках. Вперёд!

Елена Кушнерова

Баден-Баден

14 января 2016

Примечание автора к третьему изданию. Рассказ “Консьержка и параллельный мир” был впервые опубликован в электронной версии журнала “Этажи” (август 2016)
<https://etazhi-lit.ru/publishing/prose/398-konserzhka-i-parallelnyy-mir.html>

В сентябре 2016 этот же рассказ был опубликован в Мастерской на портале Евг.Берковича <http://club.berkovich-zametki.com/?p=24853>

РАССКАЗЫ

2. ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК

История эта, в отличие от того, что пишут многие, – чистая правда, и ничего в ней не придумано. Другой бы, может, на моем месте наворотил с три короба, нафантазировал бы то, чего не было. А я, вот, с детства врать не приучен.

А дело было так. Собрался мой начальник меня уволить, чем-то я ему не угодил – уже не помню. Чтобы перестал я быть высоконаучным специалист-инженером, а стал обыкновенным пришибленным неудачником, что вы и наблюдаете...

И вот, незадолго до всех событий, решил я как-то пройтись по парку, недалеко от дома, чтобы в мыслях прояснилось – как жить дальше и к чему стремиться.

Иду я и вижу – в траве сидит птенчик неизвестной мне породы и пищит, и никто не прилетает его кормить и никакая птица не обращает на него внимания. Короче, походил я вокруг, да и забрал его к себе.

И дал я ему имя Птичий Человек (а короче – просто Птичий), и он, несмотря на свою маленькую головку, тут же свое имя выучил. Вытяну я свой указательный палец, позову его - Птичий, Птичий! – он тут же выбегает из-под дивана и

вскакивает обеими своими когтистыми ручками на мой палец. Еще ходил я с ним гулять: я иду – а он у меня на пальце сидит; прохожие удивляются, интересуются, как такое может быть.

Но кормить его – это было, конечно, мучение. Ничего, кроме червей, не ел. И приходилось мне бегать как сумасшедшему, копать ему червей в том самом парке, где я его нашел. Тонких червей он сразу заглатывал, а толстые иногда обратно из клюва вылезали.

А хранил я накопанных червей в целлофановом пакете, в холодильнике. Как-то раз, помню, плохо завязал пакет, и черви по всему холодильнику разбежались.

Никому про этих червей я, конечно, не говорил – а то засмеют еще: нашел чем заниматься!

И тут как раз подошла моя очередь на работе отчитываться, что я полезного и высоконаучного за много лет сделал. Ну, отчитался я не хуже, чем другие. Чертежи, графики – все как положено.

А начальник мой слушал, слушал – только кривился. И потом говорит (а был он большой мастер по части образных выражений для распекаания мелких людишек вроде меня):

– Это же никому не нужно, чем вы занимаетесь! Вам бы только червей разводить!

Я и не понял сразу, что он про моих червей ничего не знает и только так, для красного словца их помянул. Я, конечно, удивился, но взял себя в руки и говорю спокойно:

– Да, я развожу червей. Но это не мешает моей основной работе. Я делаю это в свободное от научной работы время.

Тут уже он не понимает ситуации – что я ему чистую правду сказал.

– Как вы смеете ,– говорит. – я старый человек и не позволю себя передразнивать!

(А сам хватается за сердце.)

Вот так я и перестал быть высоконаучным специалист–инженером. И все это чистая правда, не сомневайтесь.

А Птичий Человек в тот же вечер от меня улетел. Не зря, значит, я его учил понемножечку летать. А еще говорят, чтобы чему-нибудь стоящему научить, нужно самому это уметь...

Москва, июнь, 2010

3. РЕИНКАРНАЦИЯ

Я уже говорил – есть у меня такой старинный приятель, Тимофей. Вот, пошли мы с ним как-то в забегаловку, которая на углу. Взяли бутылку красного, ну я и говорю:

– Тимофей, вот ты музыкальную школу, начальную, не закончил ... Из института, с третьего курса, тоже тебя выгнали. А вроде – ты неглупый мужик. Отчего так?

Он говорит:

– Да, жизнь у меня, действительно, не сложилась. Но только я в этом не виноват. Просто меня отец слишком сильно любил...

Я говорю:

– Я начинаю тебе завидовать, Тимофей...

Он говорит:

– Чему тут завидовать? Если я, допустим, в детстве чего натворю – он меня только хвалил, не ругал никогда. Разве так можно? Вот и не вышло из меня ничего...

Я говорю:

– Как это ничего? Ты холодильный мастер, Тимофей!

Он говорит:

– Да брось ты. А потом, как повзрослел я, из Холодильного института ушел, недоучился. Отец, конечно, расстраивался. Но все равно меня очень любил. Потом умер...

Тут помолчали мы, выпили, и он снова говорит:

– Вот, значит, так... Потом прошел год, и должен был я как-то к друзьям идти, на новоселье. А вместо подарка купил котенка Барсика за рубль и принес. И почему-то этот Барсик ко мне очень привязался. Вот я приду к тем друзьям, сяду на диван, он тут же прибегает мне голову облизывать. Иногда от радости на полу кувыркался – что, мол, рад он, что я пришел, не забываю его. Хозяева тоже сильно удивлялись. Потом его собака загрызла. И все меня мысль мучила, что этот кот не такой, как другие...

Я говорю:

– Что-то я не понимаю, причем тут этот Барсик. Что ты этим хочешь сказать, Тимофей?

Он отвечает:

– Не догадался еще? Я тоже не сразу догадался, все поверить не мог. Потом только до меня дошло, что это отец возвращался на меня посмотреть, как я тут. Так что видеться-то мы виделись, но по-человечески не поговорили...

Я говорю:

– Ты уж извини, Тимофей, но поверить во все это я никак не могу.

А он говорит:

– Дело твое, Семен. Только ты человек благополучный, семейный, к тебе оттуда никто возвращаться не станет.

Я , конечно, обиделся, но виду не подал.

Тут мы встали, я расплатился за нас обоих, и мы ушли.

Москва, июль, 2010

4. БЕССЛЕДНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Кошка умирала в течение полутора месяцев. От рака. Но все равно она продолжала любить Феликса и выполнять свои обязанности хозяйки дома. Встречать Феликса после работы и греть ему лысину, например. Феликс все время поражался ее нравственной силе: даже в последнюю неделю, когда она была в полушаге от смерти, она заботилась не о себе. Феликс чувствовал ее превосходство и ничего не мог с этим поделать.

Потом, когда кошка умерла, Феликс понял, какой опоры лишился.

Неудачливый композитор, он любил импровизировать на рояле, и кошка всегда внимательно слушала его, подавая советы. Если он начинал “забалтывать” тему, кошка вежливо спрыгивала со стула и уходила. А когда Феликс бывал в ударе (такое с ним время от времени случалось), она обнимала его ноги своими лапами...

Каждый раз это был такой диалог – Феликс не столько сочинял, сколько рассказывал кошке о том, о сем. В том, что она все понимает, сомнений у него не было.

Когда кошка умерла, Феликса посетило странное чувство: высокоразвитое существо, полное любви и ума, бесследно исчезло, как будто ничего не было. Как будто маленький водоворот поглотил нечто незначительное, и тишь да тишь кругом...

* * *

Кошка вскочила на подоконник , а потом , с высоты второго этажа, прыгнула в сад и побежала. Феликс , как был, в тапочках на босу ногу, скатился по лестнице и бросился за ней. Не то, чтобы он всерьез боялся, что с ней может что-то случиться или она куда-то там денется. Он бежал , не раздумывая , глядя как она несется по высокой траве, подсушенной солнцем, и подпрыгивает , заигрывая с небольшими белыми бабочками. Одышка совсем не беспокоила его, не то, что раньше; внезапно Феликс ощутил, что его настигло никогда не испытанное ранее счастье ... И одновременно с этим – какая-то дикая , невыносимая грусть. “Странно, – подумал Феликс, – какое-то несчастное счастье. Так не бывает!” Он сделал еще несколько шагов и, зацепившись за корягу, неловко упал лицом в траву...

* * *

Дверь скрипнула, но никто даже не пошевелился. Доктор и Марья Иванна боком вошли в палату. Они подошли к крайней койке и сразу уставились не на неподвижное грузное тело, опутанное разноцветными проводами, а на экран задвинутого в угол прибора.

– Видите? – сказал доктор. – Прямая линия. Мозг умер.

– Будем отключать, Петр Сергеич?

– Еще вчера надо было, – пробормотал доктор, думая о своем. Вчера вечером соседи сверху залили квартиру, обои все отстали, паркет стал дыбом. Гостей теперь надо отменять! Какое свинство...

– А что, Петр Сергеич, если мозг умер, значит, душа уже отлетела? – робко спросила Марья Иванна, пользуясь случаем, чтобы расширить свои познания.

– Души нет, Марья Иванна! – отозвался доктор, не желая вступать в спор с необразованной женщиной. – Вещи его, кстати, соберите.

– Какие вещи, Петр Сергеич! Вы же помните – его на остановке нашли, снегом присыпанного. В карманах – земля с травой...

– Глупости, – сказал доктор, – какая может быть трава? Сейчас же зима.

2012

5. СТРАХ

Это было время, когда взрывались дома и люди боялись друг друга еще больше, чем теперь. В метро каждые две минуты объявляли: “Просьба незамедлительно сообщать обо всех подозрительных лицах и предметах.” И мое лицо тоже показалось кому-то подозрительным, но об этом как-нибудь в другой раз...

И вот тогда-то и произошла история, которую я хочу вам рассказать. Я, кажется, простудился и отправился в местное лечебное заведение. Был вечер, и в районной моей поликлинике было почти безлюдно. Только в конце коридора под тусклой лампочкой сидел странный дядька перед кабинетом моего доктора. Он читал, не отрываясь, какую-то дурацкую газету. Кепка почему-то сползла ему на лоб. На меня он даже не поднял глаз.

И вот, вообразите себе. Пустынный длинный коридор. За окном – сумерки. Тишина. Все кругом пронизано одиночеством. Тихие грустные звуки из кабинета доктора. Дядька, неподвижно читающий газету.

И вдруг... Послышалось цоканье каблучков, и к кабинету подошла женщина необычайной внешности. Она была

хороша красотой каких-то нездешних мест. Может быть, она была похожа на индианку?

– Сейчас я вернусь, – сказала она. Потом положила свой пакет на кресло рядом со мной и ушла, цокая каблучками; она исчезла за поворотом длинного пустынного коридора.

Через пять минут я начал слегка беспокоиться. Странный дядька, погруженный в свою газету, казалось, ничего не замечал.

Прошло еще пять долгих, очень долгих минут. Я уже не мог сидеть рядом с пакетом, а встал в дверном проеме. Мне хотелось сбежать, но было стыдно.

Прошло еще пять чудовищных минут. Я помню, что держался обеими руками за косяк, чтобы меня не унесло прочь. Меня как будто выдувало могучим порывом страха из этого коридора.

Сбежать? Не предупредив доктора, мирно бормочущего в своем кабинете, не растолкав этого дурацкого, равнодушного к своей жизни дядьку?

Как я потом прощу себе, если их разнесет в кровавые клочья?

А если – предупредить, и вдруг окажется, что мои страхи – глупость, истерика...

Я и не заметил, как она вернулась, держа в руках бутылку с соком. Подошла к своему омерзительному пакету, развязала его, достала оттуда пряник и стала грызть, запивая из горлышка.

Потом посмотрела на меня своими нездешними глазами и отвернулась.

2012

6. СТАРИК В АВТОБУСЕ

Вы же знаете , старые люди любят поговорить. Но не с кем. Друзья, если были, куда-то все подевались... А дети, если они живут с вами, не хотят вас слушать – они уже наперед знают все, что вы скажете. Они говорят: “Помолчи, дед, ты это уже сто раз рассказывал.”

Вот я , например, иногда разговариваю со своим кактусом... И поэтому они думают, что я выжил из ума.

Но я-то знаю, что я нормальный. Это моя маленькая тайна.

Только я хотел вам рассказать не об этом, а о том, как я ехал один раз в автобусе...

Мне нужно было куда-то ехать по своим старческим делам, и только я вошел в автобус, как увидел немолодую, милую женщину . Что меня привлекло в ней – ее лицо светилось умом! Она сидела, задумавшись, у окна, и я не мог оторвать от нее взгляда. Я стоял напротив нее и совершенно забыл, сколько мне лет...

И вдруг, она встает, берет меня за рукав пальто и говорит:

– Садитесь, пожалуйста! Вам нехорошо?

Я, само собой, расстроился и говорю:

– Очень даже хорошо! Я предвкушаю счастливую загробную жизнь. Поэтому, милая женщина, продолжайте сидеть, где сидели...

Ну, тогда она сказала что-то такое вежливое, мы немного поперерекались, и я заметил, что голос у нее красивый, но какой-то немного жесткий. И тут она смотрит на меня таким тоже немного жестким взглядом и добавляет:

– Я, кстати, психиатр и в загробные штучки не верю.

И мне сразу стало как-то не по себе. Мне стал неприятен этот ее ум, написанный на лице. И я подумал: интересно, куда бы ты меня укатала за мои разговоры с кактусом? И я говорю ей:

– А как вы думаете, почему старые люди считают иначе?

Тут она улыбнулась:

– От страха.

Я хотел ей сказать: “Берусь вас убедить, что причина не в этом”. Но потом раздумал и вышел из автобуса на ближайшей остановке.

2012

7. БЕГСТВО

Отчего Феликс стал таким необщительным, прямо-таки нелюдимым – сказать трудно. Придет, бывало , в лабораторию, “здрасьте” буркнет – и молчит целый день. Кому он после этого будет интересен? Ни пива с ним попить, ни перекурить, ни про футбол поговорить по душам. Дамы вообще смотрели на него, как на пустое место. Красились при нем, пудрились и так далее...

А приятели у Феликса, конечно, когда-то имелись. Только все они были намного старше его и уже умерли. Был у него еще такой друг , Семеныч. Он умер три года тому назад. Голос у него был уж очень особенный – шепчущий , как будто простуженный. Ни с кем не спутаешь. И вот , он умер, и совсем замолчал у Феликса телефон.

Ученые говорят, что пчела в одиночестве может прожить часов шесть, не больше. А потом – ей не хватает пчелиного общения и она умирает. В пересчете на человеческую жизнь шесть часов пчелиного одиночества – это примерно девять месяцев. Но человек в этом смысле гораздо крепче. Он может, например, смотреть телевизор по вечерам и глубоко переживать за какого-нибудь героя. И этим он, конечно, отличается от глупой пчелы.

Короче, жизнь Феликса текла равномерно и однообразно и была наполнена невысказанной тоской. Не было в ней ни хороших, ни плохих неожиданностей.

И вдруг, осенним воскресным вечером – звонок. Феликс сразу почувствовал, что дело неладно – кому он мог быть нужен в такое время?

– Алё, – сказал Феликс, внутренне готовясь непонятно к чему.

– Привет, Феликс... – раздался приглушенный, совершенно особенный шепчущий голос, отчего у Феликса возникло в голове легкое помутнение.

– Это вы? – спросил Феликс, не решаясь назвать собеседника по имени.

– А ты думал, кто? – прошептала трубка.

– Как вы себя чувствуете? – осторожно спросил Феликс, еле сдерживая дрожь и боясь совершить какую-нибудь бестактность по отношению к покойнику.

– Плохо, ох, плохо, – раздался слишком знакомый голос. – Выручай, Феликс!

Вихрь странных мыслей пронесся в голове у Феликса. Не помочь мертвому другу? Как это было бы с его стороны отвратительно! Но всего этого просто не может быть!

– Извините, – сухо сказал Феликс, проклиная сам себя за бездушие, – но сейчас ничем вам помочь не смогу. Я нездоров и никуда не поеду.

– А зачем тебе ехать? – отозвалась трубка ехидным шепотом. – Я к тебе сам приду!

И в трубке загудело.

“Так, – подумал Феликс, – надо бежать. Всего этого не может быть, но это неважно. Паспорт, деньги, зубную щетку – в карман. Носки дырявые – неважно. Пальто, шапка, ботинки. Ключи. Выключить газ. И, главное, – не медлить! Скорее, скорее!”

Сбегая по лестнице, он вспомнил, что оставил на тумбочке свое лекарство. Один лестничный пролет, другой. Ноги как будто одервенели, но слушаются. И вот, наконец, впереди последние пятнадцать ступенек и спасительная дверь на улицу!

Феликс уже предвкушал, как толкнет ее и вдохнет полной грудью сырые осенние сумерки, но тут за его спиной раздался негодующий возглас:

– Куда это ты собрался?

Феликс, как был, рухнул на ступеньки, проехал по ним головой вниз и, вдобавок, ударился виском об косяк. Возможно, он даже умер, но точных сведений на этот счет у меня нет.

Жильцы первого этажа, люди интересующиеся, гурьбой высыпали на шум – посмотреть, что происходит.

– Прохвессор от меня убежал и подскользнулся, – объяснил ситуацию Егорыч, алкоголик. – Я у ево денег хотел занять.

– У такого зимой снега не допросишься, – сказал кто-то. – Пусть полежит, подумает.

И народ потянулся по квартирам.

2012

8. ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ

Иван Феликсович вернулся домой грустный. Женщина, в которую он был влюблен, дала ему понять, что... в общем... в его возрасте... ни к чему эти глупости...

“Да, – говорил сам себе Иван Феликсович, – в моем, действительно, возрасте... пора бы уже...”

А почему “пора бы уже” и так было ясно. Лысина, поросшая редкими волосьями, очки, опять же, и общая такая непрезентабельность – вот вам и ответ на этот вопрос. Был Иван Феликсович человеком непьющим и оттого справлялся со своими огорчениями не так, как все нормальные люди, а с головой погружался в чтение.

Как называлась книга, которая помогала ему забыть на время о своей неудачливости, – я точно вам сказать не могу. Важно другое: Иван обладал редким в наше время читательским даром – он словно переселялся на страницы читаемого произведения. Вот и сейчас, перебежав на полусогнутых между цветущими раскидистыми магнолиями, он укрылся в небольшой скалистой расщелине, покрытой зеленоватым мхом. Автоматная очередь просвистела над его головой, но, здесь, прижавшись лицом к холодным скользким

камням, он чувствовал себя в относительной безопасности. И этой безопасностью надо было пожертвовать! В отдалении виднелась роща из деревьев незнакомых пород, именно туда ему нужно добраться как можно скорее! Цепь автоматчиков, прочесывавших лес у него за спиной, все ближе, уже слышен хруст ломающихся сучьев...

Но впереди – открытое, свободно простреливаемое пространство, сплошной песок и никакого укрытия.

Сделав над собой усилие, Иван пополз, стараясь не поднимать головы, и вдруг услышал характерный рокот – из-за ближних скал показался вертолет.

Песок взметнулся прямо перед его лицом желтыми смертоносными фонтанчиками. “Неужели здесь, на этом странном песчаном плато, мне придется умереть?” – только и успел подумать Иван Феликсович, как вдруг услышал истошный крик.

“Мяу!” – раздавалось из кухни. Но это было не обычное, простое ‘мяу’, а какое-то дикое, раздраженное...

Иван Феликсович заложил страницу бумажечкой и отправился посмотреть, в чем дело.

Мурка стояла в углу перед миской с едой, но есть почему-то отказывалась и выгибала спину. Чтобы разглядеть причину Муркиного недовольства, Ивану Феликсовичу пришлось сменить очки. Тут-то и выяснилось, что длинная цепь мелких домашних муравьев протянулась от щели в стене к кошачьей миске. “Ну и дела, – думал Иван

Феликсович, орудуя мокрой тряпкой, – надо будет позвонить в эту, в как ее... ну, чтоб их истребить совсем.”

Покончив с уборкой, Иван Феликсович лег на диван, взял книжку и снова, как в прошлый раз, на полусогнутых бросился бежать среди цветущих раскидистых магнолий ... Но что-то новое вдруг привлекло его внимание. Крошечный домашний муравей заблудился на странице, переползая от одного слова к другому.

“Ах, ты!” – воскликнул Иван Феликсович и собрался раздавить его указательным пальцем. А в это время неизвестно откуда взявшаяся тихая мысль исходила неслышным криком, но не могла докричаться до сосредоточившегося на интересном занятии человека.

2015

9. Я НИКОГДА НЕ ВЫХОЖУ НА БАЛКОН

Мне захотелось написать рассказ. Но я не знал, о чем. Желание было таким сильным, что я решил писать, еще не зная, о чем. Откуда оно, это желание, взялось? Думаю, что все дело в каких-то резонансах. Да, в них все дело. И вот я, наконец, начинаю догадываться, о чем будет рассказ. Как будто я выхожу на балкон (а я никогда не выхожу на балкон) и как будто кругом весна и цветут липы (а за окном ноябрьский дождь со снегом). И вот, как будто я, затягиваясь сигаретой, стою и слышу чужой разговор. Мужской голос говорит о чем-то важном, женский – отвечает. И я слышу это невероятное взаимопонимание... Они просто созданы друг для друга, – думаю я, стряхивая пепел легким щелчком. Как им удалось найти друг друга? – удивляюсь я. И тут с улицы доносятся еще два голоса.

– Эй ты, сволочь! – разоряется чей-то визгливый тенор.

– Да, да, тебе говорят! – поддерживает его омерзительное сопрано.

Я замечаю, что образуется полифония.

– Помнишь, у Рильке...

– Набей ему морду!

– Конечно, конечно...

– Испоганил настурции!

Тут до меня наконец доходит, что я, видимо, неудачно стряхиваю пепел на чужие цветы. Но я не испытываю никаких угрызений. Это же не нарочно. Подумаешь, пепел. Если приглядеться – кругом полно этого пепла. Собственно, все кругом – это будущий пепел. К тому же я на самом деле не курю. И никогда не выхожу на проклятый балкон. Уже который год минул, как я прикрутил там ручку железной проволокой.

2015

10. ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Давно это было, а может – недавно, точно вам не скажу. Короче, шел Евсей Петрович на работу в обычном своем бодром настроении. Надо сказать, что он вообще был человек трезвый и не впечатлительный, без излишков воображения и фантазии. К тому же по утрам он любил обтираться холодной водой. А как работа его называлась? Кажется, лаборатория тригонометрического масштабирования или еще как-то ...

Идет, а кругом – осень, троллейбусная остановка вся опавшими листьями усыпана. Короче – все, как обычно. Ничего особенного. И он останавливается в ожидании троллейбуса...

И вдруг замечает – в телефонной будке стоит какой-то тип, спиной ко всем. Евсей Петрович сразу обратил внимание, что человек этот примерно одного с ним роста, сумка тоже черная через плечо, куртка вишневого цвета такая же, лысина намечающаяся точно такая же... Ну, мало ли бывает случайных совпадений? Однако решил Евсей, на всякий случай, подойти поближе. Ему захотелось убедиться, что совпадения этим и ограничиваются.

Подходит сбоку (а тот человек Евсей Петровича еще не видит) и , хотите верьте , хотите – нет, обнаруживает дальнейшие совпадения. И форма очков, и цвет оставшихся волос – все как у самого Евсея.

Стало Евсей Петровичу как-то не по себе. Но все же лица того человека он толком еще не разглядел.

“Тьфу ты, напасть какая”, – раздражался Евсей, не зная , как быть дальше и боясь опоздать к началу логарифмического табулирования (или к чему-то там еще) из-за внезапно прорезавшегося любопытства.

И тут как раз слышалось шуршание подъезжающего троллейбуса.

“Ну , и слава Богу, – твердо решил Евсей Петрович. – И незачем мне знать, что это за тип. Сейчас сяду в троллейбус и уеду.”

Но не успел Евсей сделать и шага, как дверь телефонной будки распахнулась, и он очутился лицом к лицу – вы догадались, с кем.

– А-а-а! – в ужасе закричал второй Евсей Петрович, не подготовленный к такой встрече. Он невежливо толкнул настоящего Евсея и опрометью бросился к подошедшему троллейбусу. А затем , расталкивая очередь, буквально ввинтился внутрь.

“Надо же, какой нервный!” – подумал настоящий Евсей и стал насвистывать свою любимую песенку.

Он дождался следующего троллейбуса и прибыл на работу вовремя, как раз к началу криптофонического дезавуирования.

– Вас тут по телефону добивался какой-то сумасшедший, – сказала ему Таисия Аристарховна, заведующая, – хотел вам лично кое-что сообщить.

– И что же ему было надо, – хладнокровно осведомился Евсей.

– Никак не хотел говорить. А потом как скажет: “Передайте, значит, вашему Евсей Петровичу, что его не существует!”

– Ничего страшного, – успокоил ее Евсей Петрович. – Всех нас в каком-то смысле не существует.

2015

11. ЖИВОТНОЕ

– Понимаешь, – говорит Семен, обращаясь почему-то ко мне, хотя на кухне толпится целая куча народу, – графоман, если он осознал, что он графоман, уже не так опасен для общества...

– А ты, собственно, о ком? – интересуюсь на всякий случай.

– Ну не о тебе же! Конечно о себе самом.

Тут все начинают потихоньку прислушиваться. Когда Семен слегка выпьет, от него можно услышать кое-что интересное.

– Ох, неискренен ты, Семен, – говорю, чтоб позлить его.

Все притихли, ожидают: что-то будет!

А Семен-то, оказывается, уже прилично нализался. Криво ухмыляется:

– Что, – говорит, – ты хочешь убедить присутствующую публику, что я, хоть и графоман, но этого еще не осознал? Что я притворяюсь?

Тогда я говорю:

– Прости, – говорю, – Семен... Это я неловко так сказанул... Ты же знаешь, что я не считаю тебя графоманом! Честное слово, не считаю!

– А мне начхать, – говорит он (на самом деле он крепче выразился), – что ты там считаешь или не считаешь! Главное, что я сам так про себя считаю! Но я пишу короткие рассказы, а они менее вредоносные, чем длинные! И уж конечно от меня меньше вреда, чем от всяких романистов проклятых, из-за которых леса вырубают и планету без кислорода вот-вот оставят!

Я говорю тогда:

– Да, – говорю, – Семен дорогой, конечно, от тебя вреда намного меньше, чем от всяких романистов, не спорю!

Смотрю, он успокаивается и начинает нам втолковывать:

– Дамы и господа! – говорит, – сейчас я вам все про себя объясню... Конечно, нет у меня дара слова! И сюжет я придумать не могу ... Ну, нет у меня фантазии! Не Герберт я Уэллс!

Я опять удержаться не могу и злю его:

– А что же у тебя взамен этого есть, дорогой Семен?

А он:

– Зато у меня есть то, что я ищу необычные состояния духа и описываю их. Понимаешь? Необычные!

Тут кто-то из нас спрашивает:

– Какие-такие необычные? Это в каком таком смысле?

Он говорит (а сам уже как будто трезвый стал):

– Вот вам пример, дамы и господа, который вас , может быть, убедит. Представьте – два человека в возрасте полюбили друг друга, но у них семьи или что-то в этом духе, и они запретили себе это самое... Ну, вы понимаете. И тут пока ничего необычного нет. Запретили и запретили. Молодцы. Но они не могут, как нормальные люди, разбежаться в разные стороны. Они по какой-то причине вынуждены видаться каждый день. И вот здесь начинается необычное. Любовь отделяется от них и начинает жить собственной жизнью, как такое животное... И они это животное сообща мучают и убивают и никак не могут до конца убить. Оно плачет, скулит, прячется по углам ... Вот такое необычное состояние.

Тогда я говорю:

– Знаешь, Семен, это не тема для короткого рассказа. В коротком рассказе должен быть сюжет, ударный конец, ясная мысль. А тут ничего этого нет.

И со мной кто-то из наших друзей соглашается:

– Вы, Семен Васильич, только не обижайтесь. Но в коротком рассказе эта тема не прозвучит. Никто не поймет, что вы хотите сказать. Животное какое-то, прячется по углам... Вы уж лучше про что-нибудь другое напишите!

Он отвечает (уже совсем трезвый и грустный):

– Да, пожалуй, не получится. Не буду писать. Ведь не поймет никто.

2016

12. ГОСПОДИН ЗУСМАН

– Ну и что? – сказал Виктор, усаживаясь в скрипучее кресло.

– А вот и то, – отозвался доктор Цаплин.

– Не понимаю, – сказал Виктор. – Сейчас все пьют эти таблетки. И никто не жалуется...

– Но вы-то не пьете, – усмехнулся Цаплин.

Внезапно они оба замолчали, за окном раздались звуки марша, топот и еще какие-то странные звуки, похожие на мычание, прерываемые глухими ударами.

Цаплин подошел к окну и задернул занавеску. “На всякий случай”, – пробормотал он себе под нос. А потом продолжил:

– А ничего странного вы не замечали?

– Может, и замечал. А вы что, считаете...

– Да, – прогундосил Цаплин. – Очень даже считаю. Много раз проверял в лабораторных условиях. На мышах. И два раза – на людях.

– И как бы вы охарактеризовали этот эффект? – забеспокоился Виктор.

– Исчезает непредсказуемость. При больших дозах – полный автоматизм. Утрата большинства навыков. Если бы о

мышцах можно было сказать, что у них есть мышинная личность, ...то я бы сказал, что эта личность...

– Исчезает?

– Да.

Звуки марша , доносившиеся с улицы, наконец, ослабли. Очевидно, процессия завернула за угол.

– Ну, я пошел, – сказал Виктор.

Цаплин отодвинул стальную щеколду, на которую была заперта изнутри его хлипкая входная дверь, и посмотрел на Виктора со значением, но ничего не сказал.

Виктор добрался домой без приключений, если не считать того, что по дороге ему все время попадались лежащие там и сям клочья одежды.

Прошло еще два или три часа, прежде чем он, наконец, решился.

К тому времени, когда внизу раздался скрип тормозов и трое в одинаковых костюмах, выйдя из машины, направились в его подъезд, он уже успел проглотить пригоршню маленьких круглых, таких розовых... и запить их, как положено, холодной водой.

– Эй , откройте! – раздался голос из-за двери. Не услышав никакого ответа изнутри, голос прозвучал с удвоенной силой:

– Господин Зусман! Немедленно откройте! Проверка электросчетчика!

Не услышав и на этот раз никакого ответа, тот же голос скомандовал: “Ломаем”.

Дверь поддалась , не оказав особого сопротивления. Они вошли, но вместо господина Зусмана увидели стоящее на четвереньках голое существо, которое пускало изо рта слюнявые пузыри.

– Господин Зусман? – обратился к существу старший из троих вошедших.

– Бе, – сказала существо, издало неприличный звук и заползло под диван.

2015

13. БАНКЕТ

Боря Клюшин, наконец, защитился. В смысле, он стал , наконец, кандидатом наук. Ну, на банкете, как положено, все перепились, Ленка с Зинкой даже подрались немного... А мы с Борькой вышли в коридор. Закурили, значит, и я говорю:

– Все, Борис, перед тобой широкая научная дорога!
Действуй и не останавливайся на полпути. Иди дальше!

Он говорит:

– Отстань, Сема. Ты что, не видишь, в каком я настроении?

Я говорю:

– Борис! Ты что это несешь? У тебя должно быть прекрасное настроение! Тем более, я твой друг, и я обязан тебя об этом, так сказать, уведомить!

Тут он задумался, поглядел исподлобья и невнятно так забормотал:

– Эх ты, Семен... Ничего не понимаешь... Я же поэтом хотел стать...

Тут уж я не стерпел:

– Ты – поэтом? Офигеть! Ни за что не поверю!

А он:

– Хочешь, прочту что-нибудь?

Ну я, хоть стихов и не люблю, согласился, конечно. Из вежливости. “Прочти, – говорю, – что-нибудь не очень длинное.”

Тут он и выдал:

*“Я живу в раю бензиновом,
Манекенов посреди,
В чем-то тра-та-та резиновом,
С жабой каменной в груди!”*

Тогда я говорю:

– Я, конечно, в стихах не очень разбираюсь... Но, помоему, ты – гигант! Особенно про жабу!

Смотрю – он даже слезу смахнул. Поверил, значит, дурачок. Ну, раз такое дело, я решил еще добавить:

– Ты, – говорю, – поэт! Большой поэт!

А он:

– Нет, Сеня, никакой я не поэт. Хотя мог бы быть. А вместо этого я кандидат каких-то фиговых наук. Если хочешь, расскажу тебе, почему так вышло.

Отказываться мне было неудобно, я вообще не люблю людей обижать, и он начал:

– Видишь ли, Семен, я с детства мечтал стать поэтом... Кропал стишки чуть ли не каждый день... И, вроде, даже стало что-то получаться! Я почти ухватил свою мечту за хвост! Мне было, наверно, двадцать лет, когда я заболел... довольно тяжело. Когда я уже начал выздоравливать и даже

мог понемногу ходить, меня должна была навестить девушка, в которую я был тогда влюблен...

– Ого! – говорю я, – пойду Зинке расскажу!

Но Борис меня словно не слышит и гнет свое:

– Да, влюблен был. Что было, то было. И я решил ее встретить. Спустился вниз к входной двери, толкаю эту дверь, а она не открывается. Вот так номер. Ну, я поднялся на этаж, на лестничной клетке там у нас окно (ну, ты знаешь) и смотрю, не идет ли она. Солнце светит, лето, природа кое-какая во дворе, девушка моя все не идет... И я чувствую, что больше не могу стоять, что силы мои меня подводят. Но в чем соль, в чем соль-то! Это было время (ну, ты помнишь), когда появились такие любители привязывать гранату к двери... Кто толкнул, тот и взорвался. И вот я стою у окна, а спуститься и толкнуть дверь посильнее боюсь.

Я говорю ему:

– Извини, что перебиваю, но снаружи-то видно, привязана граната или нет. Взорваться может только тот, кто изнутри эту дверь толкает.

Он отвечает:

– Вот и я так подумал. Вижу – мимо подъезда молодая женщина с коляской идет. Кричу ей из окна: “Эй, мамаша, не посмотрите – что там двери мешает открываться?”

Я говорю:

– Так, так! И что же было дальше?

А он:

– Оказывается, там клочок обшивки застрял и мешал двери открыться.

Я тогда спрашиваю так аккуратно:

– Ну а девушка-то твоя пришла или нет?

Он говорит:

– Да не в этом дело. А вот стихи я с тех пор перестал писать. Ты понимаешь – почему?

Я говорю:

– Я вообще стихов не люблю, поэтому не понимаю. А как ты думаешь, вот Пушкин на твоём месте толкнул бы эту дверь?

– Пушкин-то? – Борька задумался, – Кто его знает... Вот Лермонтов бы точно толкнул...

Тут нас стали звать обратно к столу, а вскоре начались танцы.

2015

14. ПРЕДБАМНИК МОРГА

Память подводит меня. Но в моем возрасте это уже простительно. Прошрое отдельными пятнами всплывает передо мной. Вот, помню, лет сорок тому назад или больше, когда мне было столько лет, сколько тебе теперь, я, конечно, очень засматривался на женщин... Впрочем, это, кажется, тоже простительно. И еще я очень следил за своим здоровьем, был слишком уж мнителен для своего возраста. Вот видишь, я говорю тебе все как есть, ничего не утаиваю о себе!

И вот из-за какой-то пустяковой болячки я, накрутив себя, отправился — ты можешь себе представить! — в онкологический диспансер... А ведь в то время рак считался неизлечимой болезнью, ну, или почти неизлечимой... И этот диспансер казался нам тогда таким предбанником перед моргом!

И вот я шел и каждой частью своего тела чувствовал, что я совершенно здоров, что я иду туда напрасно, чтобы успокоить свою мнительность. Что я просто-напросто теряю

свое время и собираюсь потратить впустую время какого-то неизвестного мне врача...

Помню, как уселся в безрадостном коридоре перед коричневой дверью, за которой только что скрылся согнутый в три погибели старик. Ну, примерно такой, как я сейчас...

Так на чем я остановился, ты мне не напомнишь? Да, и вот в этом мрачном тусклом коридоре я не смог усидеть на стуле, подошел к окну, смотрел, как за окном светит яркое солнце, колышутся пыльные листья деревьев...

Но когда я вернулся на свое место, то вдруг увидел, что напротив меня сидит ... Да, ты правильно догадался, сидит очень красивая молодая женщина! Как я ее не заметил раньше — ума не приложу. Не стану тебе описывать ее внешность, это не нужно... Но если бы мне даже сейчас, спустя сорок или больше лет показали ее фотографию, я бы ее узнал!

Сразу же я совершенно перестал думать о своем мнимом заболевании, а только сидел и, бросая на нее осторожные взгляды, любовался ею и жалел о том, что увидел ее в таком неподходящем для знакомства месте!

И что же, ты думаешь, случилось дальше?

А случилось вот что.

В какой-то момент, я, движимый природными инстинктами, взглянул, наконец, на нее в упор. Ну так, как глядит каждый нормальный мужчина на понравившуюся ему

женщину... И я увидел, что у нее вместо глаз — два черных ужаса.

Мне стало стыдно.

Ты спрашиваешь, что было дальше? А ничего... Помню, что я дождался своей очереди в обшарпанный кабинет и узнал, что совершенно здоров.

Да, вот такие островки прошлого еще сохранила моя память. Я почему-то часто думаю теперь об этой женщине. Сколько она прожила с тех пор? Кто знает...

Но почему я тебе об этом рассказываю?

Мне хочется, чтобы о ней кто-то помнил, кроме меня.

2015

15. АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Ко всем, кроме Самуила Р., кто-нибудь приходил. К рыжебородому детине антисемитской наружности, лежавшему на койке у окна, через сутки приходила мать, а еще сын-семиклассник. От писателя Ярослава Б. ни на шаг не отходила жена. А еще к писателю приходили какие-то родственники и свойственники. Все они приносили фрукты, овощные супы и бульоны. С грустью смотрел Самуил на чужое семейное и околосемейное шебуршение. Вот, к нему ни разу никто так и не пришел. И оттого остальные обитатели палаты смотрели на него свысока, с жалостливым осуждением.

– Мужчина, хотите апельсин? – говорила ему писательская жена, пренебрежительно улыбаясь. Самуил, само собой, благодарил и отказывался.

Но если вы думаете, что он считал дни и, может быть, даже часы, ожидая, когда его выпишут из больницы, то вы ошибаетесь.

Дело в том, что всех этих совершенно чужих ему свойственников и родственников Самуил в силу какого-то психического недоразумения стал считать своими. Он,

конечно, не спятил в медицинском смысле этого слова и умом понимал, что люди эти к его жизни никакого касательства не имеют и не будут иметь, но ничего с собой поделывать не мог.

– Не дать ли вашему ребенку пару советов по физике? – предлагал он рыжебородому детине, желая приносить окружающим посильную пользу.

– Пока без надобности. Надо будет – скажем! – мычал детина в ответ на деликатное предложение.

Но все-таки не эти люди занимали большую часть болезненно чуткого воображения Самуила Р.

На соседней с Самуилом койке лежал совершенно невзрачный забавный человечек с детской физиономией, у которого в одно ухо был воткнут наушник, с проводом, тянувшимся от приемника. Время от времени человечек вскрикивал:

– В Уругвае-то наводнение! Эх, много людей погибло! В Греции-то землетрясение! Эх, разрушения и человеческие жертвы!

Самуил тщетно пытался испытать приязнь к безобидному соседу, но ничего, кроме глухого раздражения почему-то испытать не мог. И вот у этого-то невзрачного соседа посетителей было еще больше, чем у писателя и у рыжебородого... Невзрачного человечка по очереди посещали жены – настоящая и бывшая; вокруг него кучковались какие-то братья и сестры – родные, двоюродные

и еще какие-то. Но главное – к нему регулярно приходила дочь Римма, в которую Самуил отчаянно влюбился.

Сердце его таяло, когда он видел, как молодая женщина, которая, похоже, поставила на себе крест, заботится о своем невзрачном, недалеком папаше. “Видимо, есть в ее отце что-то по-человечески важное, чего я никак не могу постичь”, – размышлял Самуил, подумывая заодно о том, что пора, давно пора завести семью...

И, надо сказать, что Римма, хотя и была поглощена заботой о своем слегка анекдотическом папаше, тоже обратила внимание на Самуила. Словно незримая нить протянулась между двумя неустроенными людьми, еще не успевшими даже перекинуться словом.

И вот в один из вечеров, когда все посетители (и милая Римма в том числе) уже ушли, и население палаты поочередно умывалось, чистило зубы и так далее, вдруг как-то сам собой завязался общий довольно неприятный разговор. О чем шла речь я, честно говоря, не знаю, а Самуила спрашивать мне неудобно. То ли ужин привезли не вовремя, то ли еще что...

– Ну нет! Я этого так не оставлю! – взревел рыжий детина у окна.

– Они слишком много себе позволяют, – мягко согласился с ним Ярослав Б.

В наступившей тишине было слышно, как тяжело задышал Самуилов сосед, а потом задыхающимся голосом произнес:

– Сталина на них нет!

Самуил вздрогнул и повернулся лицом к стене. Легкое психическое помутнение, владевшее им в последние дни, внезапно рассеялось. Он здесь – чужой. Ни в какую Римму он не влюблен. Ему сделалось даже как-то не по себе оттого, что его влюбленность бесследно исчезла.

На следующее утро Самуил, недолечившись, решил выписаться из больницы. Собрал вещи, написал расписку, что ответственность за прерванный курс лечения лежит на нем самом. Попрощался с удивленными обитателями палаты. (“Ну напрасно, батенька, напрасно”, – сказали хором рыжий детина и Ярослав Б.)

Самуил и Римма столкнулись у дверей лифта. Он прочел в ее глазах изумление и укор, но сам не почувствовал ничего.

2015

16. ВЕЧЕРНЯЯ МУЗЫКА

“Странно”, – подумал Василий Семенович, проходя мимо небольшого уличного оркестра, устроившегося на углу.

Вообще-то он, Василий, всегда был равнодушен к музыке... Таким уж он уродился. Но тут произошло нечто необыкновенное. Стоило саксофонисту, этому низкорослому типу, похожему на китайца, сыграть несколько первых тактов, как слезы брызнули из глаз Василия Семеновича. Внезапно ему показалось, что вся горечь и печаль этого мира излилась на сумрачную улицу из блестящего инструмента и затопила как паводок всю округу.

“Что-то со мной сегодня не так”, – сказал он сам себе, вытирая глаза платком.

И действительно, мысли его потекли не обычным проторенным путем – зайти туда, потом сюда, купить то, потом се... Вместо этого Василий зачем-то стал вспоминать свою жизнь и вдруг обнаружил, что вспоминать было особенно нечего. Каким-то образом этому способствовали необычайные музыкальные звуки, все еще доносившиеся до него сквозь сырой вечерний воздух.

– А ведь и впрямь, нечего мне вспомнить, – бормотал себе под нос Василий Семенович, – вот беда-то какая! Словно и не жил!

“Ну, про личную жизнь и говорить нечего, – объяснял сам себе Василий . – Не сложилась она, проклятая! А что еще? Диссертация моя фиговая? Конференция провальная? Зачем это все? Куда это все? Какая Высшая Сила замутила мою глупую , никому не нужную...”

Тут Василий Семенович остановился, прислушался сам к себе и к отдаленной музыке, которая еле слышным волшебным рокотом пробивалась сквозь шелест автомобилей и шум шагов. Ему все-таки было, что вспомнить.

Вот, что с ним однажды случилось.

Ехал он в троллейбусе за справкой в какое-то заведение, стоял у окна в хвосте салона и ни о чем не думал. Смотрел по сторонам. Кругом – август , солнце, тепло, прохожие идут куда-то в летних своих одеждах...

И вдруг, неизвестно почему, ему захотелось выйти из троллейбуса, не доехав до нужной остановки. Желание было настолько сильным, что он поддался ему, удивляясь сам себе. Выходя из открывшихся дверей, Василий обернулся и в последний момент увидел, что какой-то тип, только что вошедший в троллейбус, встал у окна на то самое место, где раньше стоял он сам. Тип был одет в шикарный черный костюм. “Что-то не по сезону одет человек”, – только и успел подумать Василий, спускаясь на пыльную мостовую.

“И зачем я здесь вышел? – недоумевал он, стоя на незнакомой остановке. – Сяду-ка я теперь лучше на автобус.”

Спустя четверть часа, проезжая ближайший перекресток, Василий Семенович увидел троллейбус, в котором ехал раньше.

Задняя половина троллейбуса была срезана как ножом, а неподалеку, метрах в десяти, стоял тяжелый грузовик, у которого, видимо, отказали тормоза. Тут же, рядом, уткнувшись лицом в асфальт, лежал человек в шикарном черном костюме. Около него толпились какие-то граждане, но никто не пытался оказать лежащему человеку помощь. Человек был, очевидно, мертв.

Эта картина залитой августовским солнцем аварии, произошедшей много лет тому назад, аварии, где жертвой должен был стать он сам, внезапно всплыла в памяти Василия Семеновича, странным образом разбуженной игрой уличного саксофониста.

“Что это было? – спрашивал сам себя Василий Семенович, протискиваясь сквозь осеннюю вечернюю толпу, валившую из метро навстречу ему. – Зачем какой-то Высшей Силе понадобилось тогда меня спасти? Я ведь, в общем-то, неудачник. Посредственность. Из меня ничего толкового не вышло! А вдруг я должен был совершить что-то важное в этой жизни... Что-то необыкновенное... Но что?”

Эта, прямо скажем, спорная мысль заставила Василия Семеновича повернуть назад. Ему захотелось еще раз послушать уличного саксофониста. Ему померещилось, что

музыка, которая подействовала уже один раз столь неожиданным образом, даст ему ответ на внезапно возникшие у него в голове вопросы.

Пошатываясь, он прошел два квартала, но оркестра на прежнем месте не обнаружил.

2015

17. ЛЮБОВЬ-2

Разница в возрасте у нас – конечно, велика. Вы могли бы подумать, что любовь наша несколько дефективна именно по этой причине. Но, уверяю вас, дело совершенно не в этом. Короче говоря, мы любим друг друга, так сказать, вполне адекватно. Она никогда не встречает меня, когда я возвращаюсь домой усталый после работы... И я тоже не особенно внимателен к ней... Бываю даже несдержан и груб, если ночью она начинает приставать ко мне со своими невыносимыми требованиями...

Но, как я уже сказал, дело не в моем возрасте (тем более, что физически я чувствую себя прекрасно), а в том, что сердце мое было разбито, даже, вернее сказать, выжжено предыдущей любовью...

После того как Та, которую я любил больше жизни, умерла, мне стало поистине все безразлично...

И вот в один из прекрасных летних дней, наполненных этим полу-безразличием, когда я сидел, погруженный в свои логарифмические расчеты, моя половинчатая любовь бросилась вниз с балкона.

В тот момент я услышал только легкий шум, которому не придал абсолютно никакого значения, но потом все-таки забеспокоился. Я обошел все наши комнаты, заглянул в самые укромные уголки и, нигде не найдя ее, только тогда понял, что случилось.

Стараясь не поддаваться панике, я выбежал на улицу, где по странному стечению обстоятельств не увидел ни одной живой души. Еще заметил я, что трава под балконом не была даже примята; это меня также сильно смутило.

Я вернулся домой и снова буквально обшарил всю квартиру, заглянул за все шторы, за которыми она любила прятаться от меня, когда бывала в хорошем настроении, но тщетно...

Я впал в какую-то прострацию и просидел, не двигаясь, несколько часов. Когда стемнело, я, вооружившись фонарем, снова отправился на поиски.

Мне повстречался один мой приятель, человек преклонного возраста, которому я один раз оказал некую услугу.

– Что ты здесь делаешь? – окликнул он меня, удивившись моему странному занятию. (Я просвечивал фонарем густые можжевельниковые кусты, растущие перед окнами первого этажа.)

Я объяснил.

– Как она выглядит? – спросил он, очевидно, желая мне помочь.

Я коротко описал ее внешний вид, не забыв упомянуть ее выдающуюся красоту.

– Час тому назад я видел ее около гаражей, клянусь тебе! – воскликнул он.

Я бросился к гаражам, и в тусклом вечернем свете мне показалось, что она там стоит, прижавшись к кирпичной стене...

– Мышка, Мышка! Иди ко мне! – закричал я, вне себя от захлестнувших меня чувств.

Но Мышка (или не Мышка?) кинулась от меня прочь и вбежала в хозяйственный двор большого корейского ресторана, расположенного неподалеку.

Преодолев некоторое смущение, я последовал за ней, пытаясь поймать ее лучом своего фонаря.

Дальше произошло нечто удивительное.

В неверном фонарном свете я увидел, что их стало две. Совершенно одинаковых или почти совершенно одинаковых... Они сидели под чьим-то серебристым кадиллаком и обе жмурились. Но кто из них была моя Мышка – стало мне, к сожалению, непонятно.

– Мышка, Мышка... – продолжал я зазывать неуверенным голосом, светя фонариком под днище машины.

Тут из черного хода ресторана показался метрдотель в строгом костюме с галстуком-бабочкой. Послушав некоторое время мои вопли, он, наконец, заметил на безукоризненном русском языке:

– Что вы здесь, господин, иметь хотите? Это не есть мышка. Это есть кошка. Они есть кушать рыба. Продавать нет. Полиция вызывать?

Пристыженный, я удалился. Я, оказывается, не мог отличить свою собственную Мышку от посторонних полупомойных ресторанных кошек.

Целую неделю потом я еще блуждал по двору с фонарем, и завсегдатаи дворовых лавочек полностью уверились в том, что я – сумасшедший (а они об этом уже давно всех предупреждали).

И все-таки спустя неделю я нашел свою Мышь. Голодную и несчастную, в подвале. Еле-еле мне удалось ее выцарапать оттуда. Приходила она в себя после ужаса подвальной недели довольно долго. Но в конце концов успокоилась, стала проситься на руки...

И мы снова зажили почти как раньше. Читатель, наверно, ждет, что теперь у нас с Мышью все хорошо? Но это не совсем так. Сердце мое по-прежнему обуглено и не может любить так, как прежде.

2015

18. ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Мы уселись на траве, пиво поставили в тень, чтоб не перегрелось... Ну, Юлечка, конечно, захотела себя во всей красе показать и говорит:

– Вот вы, Валерий Иванович, очень даже неправы. Человек очень даже меняется! Утром, например, человек – такой, а вечером – совершенно другой!

Я говорю:

– Юль, ну дай ты Валерию Ивановичу сказать. Что ты, честное слово, всегда вперед всех лезешь!

Валерий Иванович отвечает:

– Нет, Юль, это внешнее. А так – человек не меняется, почти не меняется... Вот, смотри, – видишь старик с палкой идет. Ты думаешь, во сне он себя кем видит? Правильно! Юношей, а то и ребенком...

Мы с Юлькой примолкли, сидим, того старика жалеем.

А Валерий продолжает:

– Но все-таки иногда человек меняется. После потрясений. И чаще в плохую сторону, а не в хорошую...

Тут Юлечка опять вперед всех выскакивает и говорит:

– Это почему это в плохую чаще, чем в хорошую? Вот я , например, так не считаю!

Я говорю:

– Валерий Иванович! Вы ее не слушайте! Она сама не знает, что говорит. Ей лишь бы умным людям противоречить...

Он посмотрел на нас тогда сквозь очки:

– Тут действует какой-то закон природы... Еще, может, не до конца открыт... Вот, давайте, я вам одну историю про себя расскажу. Короче, был у меня в детстве приятель во дворе. Звали его Боря. Но не друг, просто приятель Боря...

Ну, Юлька снова его подковыривает:

– Почему это не друг? А приятель, это что – не друг?

Он спокойно так отвечает:

– Это существенно для дальнейшего. Боря выделялся из всей дворовой шатии тем, что был нормальным парнем. Понимаете? Нормальные люди ведь редко встречаются, но зато чаще других сходят с ума...

Тут у нас вообще челюсти отвисли, а он:

– Я не понимаю, чему тут удивляться. Нормальный человек, это значит – чувствительный, нетерпимый к несправедливости. Вот, случилось у него дома какое-то несчастье, и у парня поехала крыша... Потом мы долго не виделись. Встретились случайно, он занял у меня денег – ну, без отдачи, естественно – и говорит тогда: “Вот, спасибо, ты дал мне сколько-то там рублей. Теперь у меня плохие мысли пропали.” А я думаю – какие такие плохие мысли? Короче, стал он регулярно заходить и деньги одалживать. Я ему

деньги-то даю, но в дом не пускаю. Понимаете? И чувствую себя последней сволочью. Ему же жить негде. Какой-то хрен из каких-то там структур оттяпал у него комнату, пока он в психушке лежал. Он пристроился жить где-то в монастыре, за городом...

Тут мы с Юлькой говорим:

– Вы, Валерий Иванович, все-таки не обязаны... К тому же вы не один тогда жили...

Он отвечает:

– Ну что я вам могу сказать? Не обязан, не обязан... Мне Светка с шестого этажа тоже говорит: “Зачем вы его приваживаете?” А я ей объяснил тогда: “Если я не буду ему ничего давать, он отсюда не уедет.” Ему ведь деньги на проезд нужны были, чтоб до своего монастыря добраться. И вот так он и ездил много лет, зимой и летом, зимой и летом, раз в три дня...

Юлька говорит:

– Ну ничего себе! Это же утомительно. Что ему там, в монастыре, не сиделось?

А Валерий в ответ:

– Юль, ну посуди сама! Это же естественно! Рыба плывет на нерест туда, где она вывелась, птица перелетная делает то же самое практически, а человек чем хуже?

А она ему:

– Но все-таки, Валерий Иванович, зачем вы нам это рассказываете, мы уже поняли. У вашего друга Бори поехала крыша, и он изменился. Так, что ли?

Валерий говорит:

– Да нет, он-то как раз не изменился. Просто сбрендил немного, вот и все. Вот слушайте дальше. Ездил он, ездил, и тут вдруг грянули дикие морозы. Вот он , если приедет, я не могу его пустить вместе с его “плохими мыслями”, а не пустить тоже не могу. Я буквально не знал, как мне быть с самим собой. Понимаете? Но он не приехал. И больше вообще никогда не приехал. А я вот изменился.

2015

19. ЯБЛОКО

Ранний зимний вечер был необычайно хорош. Небо вдруг показалось из-за облаков, а верхушки зданий временно потеряли свою лютую мрачность и засветились волшебным огнем... Но рассказать об этом было некому. Один человек, которого Иван потерял давным-давно из виду, вдруг объявился и повел себя необыкновенно смешно, просто уморительно! Но об этом тоже было некому рассказать. Еще случилась невероятная вещь – вышла книга, в которой... нет, вы себе даже представить не можете, что там было, наконец, напечатано. Прямо позорище какое! И об этом тоже было некому рассказать.

Внезапно Иван почувствовал себя инопланетянином в этом жутковатом холодном городе. Ради чего он здесь? К чему он должен стремиться?

Это было очень неприятное ощущение, от которого не так просто было отделаться.

Вернувшись домой, Иван задернул шторы, лег на раскладушку и включил тусклый ночник.

Затем прикрыл глаза, но неплотно, так, чтобы слабый боковой свет пробивался сквозь еле прикрытые веки.

Впрочем, нужно было очень точно рассчитать плотность прикрытия век.

Дальше начиналось нечто необъяснимое.

Полумрак рассеивался, и он каждый раз видел их снова – Семен Валерьяча, Зою и всех, всех, всех...

– Здравствуй, Иван, – говорил ему тонким хриплым голосом Семен Валерьяч, вставая из-за стола, – что-то давно тебя не было. Давай, рассказывай, как там у вас дела!

– Ванюша, милый, – лепетала Зочка вне себя от радости, протягивая ему яблоко, – возьми, это тебе...

И веселый шум, гомон, беготня вокруг.

– Да что я буду вам рассказывать, – шутя отнекивался Иван, – вы и так, небось, все знаете!

– Ничего мы не знаем, давай говори!

– Ну, – говорил Иван, – так уж и быть. Не буду тянуть. Холодно там у нас, но красиво! Все бы ничего, но поговорить не с кем. Вот этот, помните, как его ... , да, да, он самый, такое учудил! Нет, вы не смейтесь-то заранее, дайте досказать...

Но громкий смех от предвкушения еще не начатого рассказа было невозможно перебить. Впрочем, Иван особенно и не старался. Он знал, что через минуту все закончится. А что можно успеть рассказать за минуту?

Минута прошла.

Иван открыл глаза, потом встал, отдернул тяжелые шторы. После захода солнца город сделался тоскливо-серым, но какое-то тающее волшебство в нем все же оставалось.

“Вот, опять не успел у них спросить, как жить дальше, – раздражался Иван. – И каждый раз так. Вечно они смеются...”

И он начал ходить по комнате в густеющих сумерках, сжимая в руке яблоко, которое уже начало потихоньку исчезать.

2016

20. ЗАСТОЛЬЕ

Так как выпито было еще совсем мало, а за столом присутствовали незнакомые дамы, то разговор принял возвышенное направление.

Роман Ильич, не смущаясь присутствия жены, заговорил о странностях любви.

– В молодости, – сказал он, глядя почему-то в потолок, – я был очень влюбчив ...

(Тут жена его, Марья Васильевна, чихнула).

– И всегда замечал я за собой, – продолжал, как ни в чем не бывало, Роман Ильич, – что любовь обязательно сопровождается ревностью...

(Тут дамы на другом конце стола переглянулись между собой и что-то сказали друг другу шепотом.)

– ...И все-таки был у меня один случай, когда, невзирая на чрезвычайно сильное чувство, я ревности совсем не ощущал! Хотя имел к этому все основания!

Марья Васильевна, ученая дама, покрасневшись, встала из-за стола и собралась было уйти в знак протеста, но потом передумала.

– Не уходи, Маш, потом ему все выскажешь! – воскликнул Сергей Юрьич, перехватывая инициативу в разговоре. – Да, это интересный случай, конечно... А я вот, когда был

помоложе, настрадался... Я был влюблен до умопомрачения... И безо всякой надежды на взаимность!

Дамы с интересом посмотрели на Сергей Юрьича, словно сомневаясь – возможно ли такое?

– ...И вот, представьте, изобрел способ, как от этого своего чувства совершенно избавиться!

– Знаю я этот способ! Это безнравственно! – раздался возмущенный дамский голос, потонувший, впрочем, в общем гаме.

– Пусть теперь Иван Иванович что-нибудь расскажет, – предложил кто-то, видимо, в шутку.

– Пусть расскажет, пусть расскажет! – закричали все хором, совсем засмущав неказистого Иван Ивановича.

– Про любовь, про любовь! – кричали мужчины и дамы.

Напор разгоряченной публики был столь силен, что Иван Иванович сдался.

– Я, как видите, человек неказистый и успеха у дам не имею, – начал он, оглядев собравшихся сквозь круглые свои очки. (Тут раздался чей-то смешок.) – И страдал от этого в молодости, конечно, потом и страдать перестал... Но был у меня в жизни эпизод, так сказать, необъяснимый... Казалось мне, что на работе я был близок к открытию – потом никакого открытия, конечно, не получилось... И вот несколько дней я ходил, как будто заряженный электричеством! Это было совершенно необыкновенное состояние. Я ехал в метро, предвкушая, что скажу в лаборатории начальству, и от меня как будто

распространялись во все стороны электрические волны... А в соседнем вагоне сидела очень милая девушка, которая внезапно начала внимательно на меня смотреть сквозь двойное стекло и махать мне рукой... Так, как будто мы были с ней давно знакомы и даже более того...

– Более того – это как? – поинтересовалась Марья Васильевна.

– Это – как если бы я ей нравился...

– И ты, Иваныч, ее упустил?

– Да, упустил...

“Эх, раззява!” – закричали сразу все, повскакали из-за стола и стали бросаться в Ивана Ивановича подушками.

– Успокойтесь, друзья! – подвела итог проницательная Марья Васильевна. – Никого он не упустил. Он все сочинил! Кто-нибудь из вас видел человека, заряженного электричеством?

– Признаюсь, сочинил, – скромно ответил Иван Иваныч, стряхивая с пиджака небольшую шаровую молнию.

2016

21. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

*Я кружусь в межзвездном крематории,
В невесомом чудном колумбарии,
Я попал под колесо истории...
Кто я был – обыкновенный пария,
Ну, играл немного на гитаре я,
Ресторанчик посещал «Астория»,
А теперь я – смесь урана, тория
С добавлением изотопа бария.*

Да, был у меня такой дружок, Захар N, ... Не друг, конечно, другом я бы его не назвал. Человек, морально озабоченный. Ну, понимаете, вот надо на что-то решиться, а он внутри себя раздумывает: нравственно это или безнравственно?

Вот, допустим, надо дать кому-то в морду, а он не может. Чего-то такого в себе преодолеть. Через что-то переступить. А по мне – так просто трусит. В общем, не мужик, одним словом.

И чтобы себе, значит, что-то такое доказать, он еще пьяных из луж вытаскивал и старушек через дорогу

переводил, как пионер из анекдота. Ему, видите ли, их жалко. Короче, закомплексованный тип.

Я вот, например, считаю, что если алкаш лежит в луже, то это его выбор. Я уважаю его выбор и не вмешиваюсь. И не хвастаюсь потом, какой я милосердный.

И вот с этим Захаром, что приключилось. Ему, значит, сделали какую-то операцию, и он не мог тяжестей поднимать. И тут попалась ему на улице старушенция согнутая – что-то несет такое неподъемное. Он ей говорит:

– Бабуль, давайте помогу!

И эта бабенция соглашается, сволочь такая. Ну, он помог ей, значит, отнес эту фигню, куда ей было надо. Поставил у подъезда, а она его за руку – хватъ! Перевернула ладонью вверх, грязным ногтем провела и говорит, вместо благодарности:

– Знаешь, мил человек, что тебя ждет? Не знаешь? Хочешь узнать? А ведь ты, мил человек, погибнешь в ядерной войне...

Во как! Вместо благодарности!

Ну, а он, значит, нам все это рассказал. Мы его тогда спрашиваем:

– Ну и что ты, Захар, с ней за это сделал?

Он отвечает:

– Как что? Спасибо сказал.

Мы, значит, уже все на взводе, но спрашиваем:

– За что спасибо-то?

А он:

– Ну, мне стало яснее, как жить дальше. К чему стремиться...

Тогда я ему говорю:

– Урод ты, Захар! Ты хоть понимаешь, как нам настроение испортил? Чтоб мои глаза тебя больше не видели!

Нет, вы не думайте, мы ничего такого с ним за это не сделали. Но в свою компанию, конечно, больше не пускали. Он у нас стал вроде изгоя. Не общались с ним больше.

Старались выкинуть эту историю из головы, но не очень получалось. Вы только подумайте – живешь себе, в институте учишься, девушку себе заводишь, ремонт в квартире делаешь – а над тобой такое висит. Вот не веришь в это, а оно, проклятое, висит! И все из-за этого гада!

А он чего? А ничего. С кем-то там повздорил и институт бросил. А чем занялся? Не знаю, я за ним так не следил особо. Какое-то осложнение послеоперационное у него началось. Из-за того, что тяжести носил. Через год он в реке утонул, а мы все тогда с облегчением вздохнули... Нет, вы поймите, я не изверг какой, просто невозможно так жить, когда вот это над тобой висит. Невозможно радоваться жизни! А тут – он утонул ; значит, старуха его обманула. И жизнь продолжается!

2016

22. МОМЕНТ УЗНАВАНИЯ

– Я вспоминаю, – сказал Валерий Иванович, обращаясь сразу ко всем и ни к кому в частности, – я вспоминаю два случая, у которых есть что-то общее... Но, что именно, – я не могу понять...

– Вот, было дело, ходил я через день в больницу, навещать очень близкого человека. В отделение травматологии. И там, конечно, люди раскрываются невероятно. Мне потом одна хирургия свои впечатления пересказывала. “Люди, – говорит, – сволочи!” Но я ничего такого не заметил, даже наоборот. Впрочем, я не хирург, а всего лишь старый преподаватель...

И вот, в этой палате, куда я ходил, у самого окна лежала молодая девушка, подключенная к аппарату искусственного дыхания. Та половина ее лица, которую я мог видеть, была очень милая... А другая половина лица, как я понимаю, была парализована после автокатастрофы. Как-то само собой выяснилось, что девушка эта – студентка моего института, но с другого факультета.

Мне запомнился ее взгляд, в котором брезжил какой-то далекий отголосок сознания...

А в один из дней кто-то из ее родителей (дежуривших там постоянно) мне говорит:

– Вы же, Валерий, работаете в ее институте. Поговорите с Анечкой, может быть, она вспомнит вас, и к ней вернется сознание!

Я отвечаю:

– Конечно, конечно... Только я работаю на другом факультете, и мы никогда раньше не видели друг друга! Но все равно я попробую что-то такое сказать!

Не помню уже, что я сказал, но толку от этого не было никакого.

Потом Анечку увезли в другую больницу, и больше я ее никогда не видел.

Где-то через полгода иду я в институте по четырнадцатому этажу (как я там оказался – ума не приложу, это не мой этаж) и вижу в коридоре большую фотографию. Очень красивое женское лицо. Рядом цветы лежат. Лицо страшно знакомое, но не могу вспомнить – чье? И вдруг до меня доходит – это она...

А другая история была вот такая. И случилось это все давным-давно.

Еще в школе я был влюблен в одну девочку. Неважно, как ее звали, не хочу говорить. Я был влюблен в нее с первого по десятый класс, но, к сожалению, без взаимности. Может, оттого, что я человек практический, никаким искусством не увлекаюсь...

А она, наоборот, увлекалась всякими возвышенными вещами и в результате вышла замуж за художника. Причем не за нормального, а за абстрактного. Я и в обычной-то живописи ничего не смыслю, а в абстрактной – тем более. Что в ней хорошего – одни крючки, да закорючки.

Прошло несколько лет, и в институте, где я только-только начал работать, устроили выставку молодых художников. Зачем я туда поперся – не знаю. Хожу, смотрю – ничего не понимаю. Бессмысленные пятна краски, какие-то линии дурацкие... И вдруг, гляжу на эти чертовы изломанные мазки и понимаю – это она...

Мне тогда даже дурно стало. Посмотрел на фамилию художника, но незнакомая фамилия мне ни о чем не говорила.

Стал даже думать – уж не свихнулся ли я, что мне ее лицо всюду мерещится.

Потом выяснил случайно, что не ошибся. Действительно, это был ее портрет.

Вот такие две истории.

Что в них для меня общего? Даже не знаю, как вам сказать. Вот этот момент узнавания, когда внезапно делается больно...

23. ДЕНЬ МУЧИТЕЛЯ

Абрам Петрович – это мой тесть. Он, вообще-то, полу-еврей. Но это для меня не играет значения. Абсолютно. Пусть даже полный еврей – пожалуйста. Дело не в этом. А в этих его шуточках неуместных. Нет, чтоб как все люди, помалкивать. Дошутился, старый козел, в своем училище.

Вот он сидит у окна и чуть не плачет. Я его спрашиваю:

– Абрам Петрович, расскажите все-таки поконкретнее, за что вас выгнали!

А он:

– Меня никто не выгонял. Я сам...

– Ну, все равно расскажите. Мне это важно. Я хочу знать, как мне дальше быть!

Он откашлялся и говорит:

– Ну, ты ж меня знаешь, Вадик. Я старый человек, подслеповатый и глуховатый. Устал уже жить. И шутки у меня все теперь одинаковые. Новых придумать не могу... Когда из учительской выхожу, всегда говорю: “Ох, коллеги, пошел мучить маленьких детей!” Все уже привыкли, никто не смеется... Еще напеваю иногда в коридоре:

“И я никакой не учитель,

А просто ваш злобный мучитель!”

Я его спрашиваю так вежливо (а сам весь дрожу от возмущения):

– И что, Абрам Петрович, громко поете?

Он отвечает:

– Да нет, тихонько совсем, под нос себе мурлычу...

И продолжает, значит, свой рассказ:

– ... И еще память на даты у меня никудышная... Короче, вот что было. Зашел я в училище, смотрю – у раздевалки молодые люди и девушки танцуют и поют. И много их, но, вроде, на наших студентов непохожи... Хотя кто их разберет! К тому же я плохо вижу... Ну, думаю, праздник какой-то... День учителя, что ли?

Поднимаюсь на этаж, там утренний полумрак еще. А навстречу начальство идет. Я, конечно, здороваюсь первый и говорю любезно:

– С праздником вас!

А начальство посмотрело на меня внимательно так и говорит:

– С каким праздником?

А я в ответ улыбаюсь, как всегда:

– С Днем Мучителя!

Смотрю – у начальства глаза сделались круглые – прекруглые, оно развернулось на каблуках и заперлось у себя в кабинете. Я, честно тебе скажу, Вадим, ничего не понял тогда. День благополучно прошел, все было тихо-спокойно. Возвращаюсь я домой и хочу на всякий случай в календаре

поглядеть, какой праздник-то сегодня был. Надеваю очки и читаю: «День чекиста»... Ну, а дальше ты все знаешь, Вадим. Извини, если что.

Я говорю:

– Извинить-то я вас извиню, а вот Зойка-то вас извинит или нет? Мне ж теперь с ней разводиться придется. Но вы не переживайте, Абрам Петрович. Мы только так, для виду разойдемся, а в остальном все будет, как всегда. И вы тоже сможете к нам заходить и с внуками сидеть. Ну, не так часто, конечно, как раньше. Не так часто. Но сможете. Иногда.

2016

24.МЕСТЬ

Как случилось, что я переехала к нему? Честное слово, всех деталей уже не упомяну. Конечно, он мне не нравился, но я не настолько разборчива, как некоторые дурочки, которые до сих пор не могут понять, что жизнь – довольно-таки грубая штука... Кто не успел – тот опоздал. Мало ли что – кто-то тебе не нравится. Нужно уметь себя перебороть. Да не как-нибудь, шалаяй-валяй, а так, чтоб он ни в жисть не догадался!

Нельзя упускать свой шанс! Следующего шанса может и не быть... Или попадется такой жлоб, что не приведи Господь!

А насчет всяких этих “оформили – не оформили” я вам так скажу. Мне на эти бумажки плевать с высокой горы.

Главное, чтобы он был обеспечен. Со своей квартирой. Дача тоже никому не помешает.

И, конечно, никаких домашних животных. Ненавижу этих мопсиков, попугайчиков...

Короче, переехала я.

Обнялись напоследок с Машкой, поревели. С Джоном холодно попрощались. И на этом все. Здравствуй, так сказать, новая жизнь!

Так вот, первое, что я поняла, переехав к нему, – это то, что у нас с ним нет общих интересов.

Да откуда бы им и взяться, если у него нет никаких интересов вообще!

Чем он занимается на работе — ума не приложу. Как-то раз спросила, но он посмотрел на меня безумным взглядом, пробурчал: “Померещилось”, а отвечать не стал. Уткнулся носом в какой-то фолиант и стал бессмысленно шуршать страницами. Иногда мне кажется, что он сумасшедший.

Но жить с человеком, с которым невозможно ни о чем нормально поговорить, нелегко. Все сводится к ублажению собственного желудка и так далее...

Вскоре его стали одолевать беспричинные приступы ярости. Он обвинял меня в каких-то идиотских вещах. Гонялся за мной и кричал: “Куда ты дела мои карандаши?!” Но я никогда не прикасалась к его карандашам. Только один раз, помню, и то случайно... Зачем мне его карандаши? Я же не художник...

Конечно, я тоже не соткана сплошь из одних достоинств. Меня, например, выводят из себя некоторые запахи, и я даю ему об этом понять.

Впрочем, он туповат и не всегда реагирует на мои намеки.

Еще есть у меня хобби (а как же иначе!), которое ему не нравится. Что это за хобби? Ну, как вам сказать... Ничего особенного. Пустяки, чтобы убить время, тянущееся перед ужином. Клянусь вам, действительно, совершеннейшие пустяки!

Но главное, что отделяет нас друг от друга, это невозможность поговорить по душам... Он использует меня,

как неодушевленный предмет, а потом надолго перестает обращать на меня внимание. Это, в конце концов, унижительно.

Неужели все мужчины устроены одинаково?

И вот, в один прекрасный день, когда светило июльское солнце, а цветы на соседском балконе источали свой пряный аромат и трава на газоне под окнами так призывно шелестела, я почувствовала, что у меня кружится голова...

Не понимаю, как это произошло, но в следующую секунду я уже стояла на этой траве и смотрела вверх на окно, из которого выпала. Слава богу, что ничего себе не повредила и сразу же смогла подняться на ноги...

Мысль о том, что я свободна и могу, если захочу, начать жизнь сначала, пьянила меня.

Я спряталась за деревом и с интересом ждала, когда же он, наконец, обнаружит мою пропажу. Ждать пришлось целых десять минут, а то и больше. Он выскочил во двор, весь всклокоченный, в домашней одежде и тапочках на босу ногу. Я с удовольствием наблюдала, как он мечется по двору в поисках меня, не догадываясь взглянуть на дерево, на которое я успела вскарабкаться. Наконец-то мне удалось ему отомстить за все то пренебрежение к моей персоне, которое я испытала.

Потом, правда, пришлось целую неделю кантоваться в грязном подвале, испытать страх и голод.

Если бы он тогда прекратил свои поиски и не выманил меня в конце концов наружу, я бы, скорее всего, в этом подвале и умерла.

Мне, наверное, скажут: “Стоило ли тогда сбегать от него?” Но сладость мести не может быть опровергнута доводами разума...

2016

25. ОКНО

- И давно это у вас, - спросил Марков бесцветным голосом, не выражающим никакого сочувствия, и поглядел в открытое окно.

Ждал он, что ли, кого-то?

- Да нет, не очень, - ответил Семен, запинаясь, - вот с тех пор, как...

- А часто ли повторяется, - поинтересовался Марков и интеллигентно зевнул, прикрывая рот ладонью.

- По-разному бывает, - сказал Семен, - иногда целый месяц ничего нет. А иногда - просто каждый день. Вот как выйду на улицу, услышу, как листья шуршат, тут же как будто из листвы раздаются их голоса : "Сеня, Сеня!". Меня, значит, зовут – отец и мать, и другие родственники тоже. Те, которые умерли. Что бы это значило, доктор? Это - шизофрения?

- Нет, Семен Евгеньич, не торопитесь так. Скорее всего, нет. Просто измененное состояние психики. Временное.

Остальные-то тесты у вас все приличные. Да и не похожи вы на шизофреника. Уж поверьте моему опыту!

- Ох, спасибо, доктор...

- Кстати, что там у нас с наследственностью? – осведомился Марков, снова поглядев в окно. - Были какие-то отклонения, случаи или что-то такое?

- Ну вот, разве что, прадед мой... Он перед смертью сошел с ума совершенно. Его держали в железной клетке для

буйных... а он, значит, требовал, чтоб ему принесли портрет Сталина...

- Надо же, - сказал Марков, - просто так требовал или для чего-то?

Семен задумался - говорить или не говорить, но ответил:

- Чтобы подтереться.

- А, - сказал Марков. — И вы уверены, что он был сумасшедший?

- Как вам сказать... Раньше был уверен. Теперь вот не уверен...

- Интересная у вас наследственность, - отозвался Марков, глядя в открытое окно. - Кстати, позвольте вас спросить: а сейчас вы слышите эти самые голоса?

- Да, сейчас снова слышу...

- Надо же, - сказал Марков. — Я тоже.

2016

26. РАЗОЧАРОВАНИЕ

- Если уж говорить о разочаровании, - сказал Валерий Евгеньич, откусывая кончик сигары специальными щипчиками, - то такого разочарования, как я, не испытал еще никто! Я встретил спустя сорок лет девочку, в которую был влюблен до умопомрачения, когда еще сам был ребенком...

- Ну, положим, спустя сорок лет она уже перестала быть девочкой, - ехидно заметил Леонид Витальич, едва прикасаясь губами к рюмке.

- Естественно... Но каково же было разочарование! Толстые ноги, всякие обвислости в разных местах, а волосы – про волосы я вообще не говорю! И полное отсутствие какого-либо ухода за собой! Это женское преступление – так пренебрегать своей внешностью... И должен вам сказать, что самое грустное было впереди. Воспоминание о моей детской влюбленности стерлось, исчезло! У меня как будто украли часть моей прежней жизни, причем самую, как бы вам сказать, самую...

- Да, действительно, впечатляет! – задумчиво пробормотали Леонид Витальич и Петр Иванович.

Наступила непродолжительная пауза, наполненная смутным шепотом дождя и ветра за окнами веранды.

- И все-таки, - прервал общее молчание Леонид Витальич, - и все-таки, я должен вам сказать, что то разочарование, о котором нам поведал Валерий, - это еще не настоящее разочарование!

- Как?! – ахнули Валерий Евгеньич и Петр Иваныч.

- А вот так! Разочарование, боль от которого проходит за день, два, за неделю – это пустяки. Настоящее разочарование остается с тобой на всю жизнь. И это, доложу я вам, господа,

- разочарование в самом себе!

- Тебе ли это говорить! – возмутился Валерий Евгеньич. - Ты, можно сказать, из всех нас... наиболее... Общеизвестно, что ты... И вообще...

- Нет, Валерий, - с грустью отозвался Леонид Витальич, - дело совершенно не в этом. Не имеет значения, что я и то, и се, и пятое-десятое... Когда-то я должен был совершить один поступок, долго готовился к нему, а когда пришло время ... не смог... И не могу этого себе простить. Я должен был преодолеть инстинкт самосохранения! И оттого, что не смог, разочаровался в себе. Понимаете?

Наступило всеобщее молчание, никто не стал требовать от Леонида Витальича разъяснений.

- Да, Леня, - вымолвил, наконец, Валерий Евгеньич, - признаю, хоть это и мне и обидно, но твое разочарование, так сказать, более значительно, чем мое... Похоже, у тебя все шансы выиграть... Не думаю, что Петяка сумеет тебя переплюнуть!

Дождь к этому времени уже прекратился, и ворона, сидевшая на заборе, трижды каркнула, как бы подтверждая правоту слов Валерия Евгеньича.

- Ну что, Петя, чем ты нас порадуешь? – обратились Валерий Евгеньич и Леонид Витальич к Петру Иванычу.

- Эх, господа, - раздался в ответ надтреснутый голос , - что-то вы мелочитесь. Не мыслите глобально. Любовные какие-то воспоминания дурацкие вас угнетают. Инстинкты какие-то зачем-то преодолеваете. Вы только подумайте – мы все живем, непонятно зачем. Пройдет не так уж много времени, и не останется ничего. Ни нас с вами, ни вороны вот этой, ни забора, ни дождя, ни людей вообще, исчезнет всякая жизнь – разумная и неразумная. Разве не это – главное разочарование, а? Разве это нам обещали в детстве, господа?

- Петь, понимаешь, конечно, ты выиграл и мы тебе заплатим, - обреченно сказали Валерий Евгеньич и Леонид Витальич, - но как-то некрасиво это с твоей стороны. В следующий раз ты уж так не делай. Ты же не только у себя, но и у нас отнимаешь вот это самое, ну, которое, как оно называется...

2016

27. ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда я бодрствую, все идет отлично. Или, по крайней мере, хорошо. Хотя мне уже много лет, я по-прежнему занят рыбной ловлей. Я ловлю рыбу старинным способом, которому научил меня отец. Молодые не хотят брать с меня пример, но это их дело. Пусть сначала поживут с мое, тогда может быть, поймут что к чему... Еще люблю сидеть на камне и смотреть, как солнце погружается в море. Если солнце такое горячее, то почему море не закипает? Наши старики не знают, но их это не волнует. Они говорят: “Этого все равно никогда не узнать.”

А некоторые добавляют: “Если бы вода закипела, то вся рыба передохла бы. А мы тогда умерли бы с голоду.”

Но, так или иначе, день проходит. А ночью меня преследуют кошмары. Точнее, один и тот же кошмар, который повторяется снова и снова.

Как будто я живу не на острове, а в огромном чужом городе, темном и мрачном. Существа, населяющие этот неприятный город, не похожи на людей, но называют себя людьми. Как избавиться от этого сна? Как проверить – сон ли это на самом деле? Вообще, как отличить сон от яви? Раньше я не задумывался над этим, но сейчас такое умение мне стало необходимо.

Вот, что я придумал. Днем, на песчаном берегу я выложил из маленьких камешков надпись: *это не сон*.

На следующий день, вернувшись на то же место, я не обнаружил сделанной надписи. И это было совершенно естественно. Ночью, как мне рассказали, был сильный

шторм, и волны смыли мои камешки... Это было логично, а ведь именно логика событий отличает явь от сна, где нам могут мерещиться самые невероятные, безумные вещи!

Но ночные кошмары продолжались.

Мне снилось, что я вместе с другими такими же несчастными, которых отобрали по какому-то непонятному мне признаку, должен был явиться на вокзал. Никаких теплых вещей брать с собой нам не разрешалось, хотя мороз пробирал буквально до костей.

Никто не сопротивлялся, и смотреть на это было совершенно невыносимо. Ощущение общего безумия укрепило меня в мысли о том, что все это только сон. Я попробовал что-то сказать в нашу общую защиту, но язык буквально прилип к гортани, и, как это обычно бывает во сне, не смог вымолвить ни слова. Только хрип вырвался из моего горла!

Я проснулся. Солнце уже начало выползать из моря, и тени от меня и моих друзей, спавших на берегу, были такие длинные, что, казалось, им не было конца. Я оттолкнулся от валуна, на котором сидел, и полетел над прозрачной водой, наблюдая стайки резвящихся разноцветных рыб.

2016

28. ТАРАКАНИССИМО

Подходит в коридоре ко мне Егор Семеныч, весь бледный, мешки под глазами. Видно, что-то стряслось у него.

Подходит и говорит:

- Прямо не знаю, с чего начать... Глупость ужасная... И посоветоваться, кроме вас, Борис Терентьич, не с кем...

Я говорю:

- А что случилось-то? Может, действительно, кой-чего посоветовать смогу! Я человек бывалый, тертый... Всякого в жизни повидал...

Он мнетя, жметя и вдруг выдает:

- Ох, Борис Терентьич, дорогой, сон мне приснился... Очень нехороший сон... Кроме вас – никому рассказать не могу... Даже жене своей родной...

Я говорю тогда:

- Ну не тяните же, Егор Семеныч, в конце концов! Очень интересно послушать!

А он:

- Короче, сплю я, сплю... И снится мне, будто из под печки (у нас польская такая печка, с конфорками) вылезает таракан. Обыкновенный таракан, довольно большой... И говорит человеческим голосом: "Хе-хе! Ваш всеми обожаемый Светоч Нравственности и Законодатель Хорошего Вкуса был любовником всеми ненавидимого Злобного Чудища! Оттого ему и можно было все, что другим нельзя!"

Я, конечно, пришел в ужас и кричу: "Заткнись, тварь подколодная! Как ты смеешь хаять самое лучшее, что у нас

когда-то было и покинуло нас! Сколько уж лет без него мы блуждаем во тьме!” А сам газетой его – хрясь! Но только чашку на комодке разбил. А тварюга как шмыгнет под холодильник и оттуда : “Хе-хе! А Злобное Чудище было, хихи, вашего Светоча!”

Я тогда говорю Егору этому:

- Егор Семеныч, сон ваш, конечно, нехороший. Очень нехороший. А вы не спросили у таракана своего, кого он, собственно, имеет в виду? Много их у нас было, этих светочей... Насчет чудища тоже непонятно, какого оно было пола и чем занималось...

Он трясется весь и отвечает:

- Спросил, еще как спросил! А таракан этот сволочной как запищит из-под холодильника: “Зачем спрашиваешь, дурак, если сам знаешь!” Вот тут-то я и проснулся...

- Да, - говорю, - Егор Семеныч... Это вам не хухры-мухры... Дело серьезное! Придется вам на него написать, куда следует. Дадут ему двушечку, а тараканы сколько живут? Вот он и сдохнет там в тюрьме. И поделом! Нечего хаять всеми обожаемого...

Тут Егор возмущаться начал:

- Как это двушечку! А где этот таракан живет, вы подумали? У меня в голове! Это что же такое получается – мне тоже в тюрягу вместе с ним? Да, вы уж посоветовали – так посоветовали, Борис Терентьич! Не ожидал от вас!

- Успокойтесь, Егор Семеныч, - говорю ему, - не торопитесь расстраиваться. У меня в квартире знаете,

сколько тараканов живет? Я вам выберу самого жирного и принесу в коробочке. Вот на него вы и заявите...

Он тут сомневаться начал:

- А вдруг ваш не сознается?

- Зря вы так думаете, Егор Семеныч дорогой. У них там все сознаются. Прищелят ему чего-нибудь как следует – заговорит, как миленький.

Ну, он благодарить меня начал:

- Все-таки, вы, Борис Терентьич, голова! Сам бы я никогда до такого не додумался. А времена сейчас непростые, ох, непростые. Подстраховаться, так сказать, не мешает... Лишь бы только этот ваш не начал болтать там лишнего...

Я его опять успокаиваю:

- Эх, Егор Семеныч! Так уж устроен этот мир, что всем нам приходится порой рисковать жизнью. Будьте мужчиной!

2013

29. ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Вышли мы как-то покурить с Валерий Петровичем.
Смотрю – он чего-то грустный сегодня. И я ему говорю:

- Смотрите, Валерий Петрович, февраль какой нынче теплый! Совсем зимы не стало!

А он, это, отвечает:

- Эх, - говорит, - Саня, это пустяки... Вот если еще лета не станет, тогда - да!

Я ему, значит, возражаю:

- Не шутите так, Валерий Петрович, дорогой! А то еще беду какую накликаете! Если зима уменьшается, что тогда по науке следует? Что лето увеличиваться должно...

- Хорошо, хорошо, - соглашается Валерий. – Да не волнуйся ты так! Вот уж и пошутить нельзя, право слово!

Ну, я на это отвечаю:

- Шутите себе на здоровье, дорогой Валерий Петрович! Только предупреждайте! А то черт знает что можно вообразить. Я человек, это, доверчивый...

Он тогда в окошко дым пускает:

- Хочешь, - говорит, - я тебе сон свой расскажу? Сон больно интересный!

Я, конечно, соглашаюсь. Уж лучше про сон его слушать, чем шутки его кретинские.

И вот он пепел, это, в банку стряхнул и начинает:

- Сплю я себе сплю, как полагается, с Матреной Викентьевной спина к спине, и одеяла мне, как всегда, не хватает... И снится мне, будто приходит Черный Ангел и говорит:

“Отвечай, - говорит, - Валерка, так твою и эдак, какую смерть выберешь: в тюрьге, под нарами, кругом вонища, и народ над тобой ржет и пальцем на тебя показывает, но смерть легкая, мгновенная. Или дома, на чистых простынях, кругом доктора хлопочут, родственники скачут, жена слезу утирает... Но смерть долгая, мучительная, боль такая, что не приведи Господь! Выбирай, Валерка, время у тебя до утра есть.” А сам , значит, крыльями – хлоп и улетел в форточку.

Ну, я , это , разволновался опять и спрашиваю:

- Валерий Петрович, что, на самом деле такой сон был или вы надо мной опять шутите?

Он говорит:

- Нет, Саня, не шучу я. К сожалению. Потому что поссорился я из-за этого сна со своей Викентьевной...

- Обидно, конечно, - отвечаю я ему, - но она-то тут причем? Сон-то не ее, а ваш.

- Сон-то был мой, а стал не совсем мой. Встал я тогда, значит, с кровати незаметненько, пошел на кухню и налил себе стакан... Потому что выбор уж очень ответственный. А как его совершить – не знаю. Тут, вижу, - идет моя Викентьевна. Разбудил я ее, значит, когда вставал. Пришлось ей все рассказать... Что никак выбрать не могу...

- А она что?

- Что-что? Разоралась на меня, вот что: “Знаю, чего тебе, гаду, предпочтительнее! А обо мне ты, сволочь такая, подумал? Что я скажу на работе Маргарите Степанне? Что

мой муж где? А?” Пришлось выбрать, значит, которая в кругу семьи, на белых простынях, с докторами...

Я тогда его утешаю:

- Не горюйте, это, Валерий Петрович, дорогой. Все-таки – в кругу семьи, как-никак. Все, это, как у людей. Вот только с обезболивающими сейчас временные трудности. Но, может, к тому времени их будет легче достать.

Гляжу, он приободрился:

- Да,- говорит, - может, к тому времени эти временные трудности окончательно исчезнут. К тому же, моя Викеша обещала завтра поговорить с одним знакомым ветеринаром. У которого большие возможности...

Ну, я тоже тогда успокоился:

- Вот видите, Валерий Петрович, все к лучшему!
Женщины, они такие... Они, это, все понимают лучше нас!

2016

30. ЭКЗАМЕН

Возвращаются они вдвоем, хотя особой симпатии друг к другу не испытывают. Просто какой-то отрезок пути у них общий, а больше ничего общего у них нет. Степан и рад бы избежать дурацкой этой прогулки, но неудобно...

Демонстрация была бы какая-то с его стороны...

Так что, идут они молча, идут... И наконец Маринка говорит:

- Вот, он умер, а ведь в расцвете сил был человек! И какой человек! Когда старики умирают – не так обидно...

И смотрит на Степана как бы со значением.

Степан, хоть терпеть покойника не мог, пока тот был жив, соглашается. О мертвых – либо хорошо, либо ничего.

Ну, Маринка продолжает:

- И ведь самый способный был среди нас, самый начитанный...

Степан опять соглашается. Пытается даже убедить себя, что так оно и было. Но безуспешно. Все-таки память у него не до конца отшибло.

Но Маринка не унимается. Травить душу – это ее любимое занятие:

- И для родных – какое это горе! Только поставьте себя на их место...

Степан кивает, изображая понимание. И вдруг ему становится странно и даже неприятно – почему он ничего не чувствует? Почему у него как будто холод внутри?

“Что со мной? – думает Степан, уже не прислушиваясь к речам Маринки. - Кто я? Какой я?”

Маринка щебечет, она переключилась на начальство, кто на кого как посмотрел и что потом сказал, а Степан, изредка кивая лысой головой, делает вид, что слушает.

Но он ее не слышит.

Он пытается узнать кое-что о себе самом. Вот умер человек, которого он, Степан, не уважал. Считал намного ниже себя и по уму, и вообще...

Степан делает усилие и ныряет в глубину непонятного: “Вот, он умер. Как узнать, что я действительно чувствую? Это важно...”

В лужах лежат листья, над городом плывут облака, Маринка что-то быстро-быстро говорит...

Степан выныривает, успокоенный. Он узнал. Он завидует. Завидует всем, кто уже сдал этот страшный экзамен...

- Степан Маркович, – возмущается Маринка, – вы меня совершенно не слушаете! С вами невозможно разговаривать!

- Что вы, что вы, - лепечет Степан, все еще под впечатлением от своего открытия, - вам показалось...вам показалось... я просто не хотел вас перебивать...

2013

31. ВОРОНКА

Двое ходят по длинному коридору, обсуждая институтские новости. Старший немного лебезит перед младшим, но это почти незаметно. Он прилагает усилия, чтоб не лебезить, но окончательно справиться с собой не может. Младший принимает все как должное. Он – человек широких взглядов. Если кому-то нравится перед ним унижаться, то он не против. Каждый человек имеет право делать то, что ему хочется. В определенных пределах, разумеется.

У дверей начальства сидит сумасшедший в неряшливой, помятой одежде. Как этот тип сюда проникает – непонятно. Что ему нужно от начальства – тоже непонятно. Он приходит почти каждый день со своим драным портфельчиком, из которого вынимает жухлые исписанные листочки и трясет ими. Иногда заходит в аудиторию напротив и пугает студентов.

Он думает, что доказал или изобрел нечто важное. Но достаточно поглядеть на него, чтобы понять, что это обыкновенный псих, который не может ничего изобрести или доказать. Это очевидно. По крайней мере, так думают два гуляющих по коридору благополучных человека.

Проходя мимо психа, они, не сговариваясь, ускоряют шаг. От ненормального можно всего ожидать. Лучше держаться от него подальше.

Младший, слегка понизив голос, говорит:

- Плоховато работает наш пропускной отдел. К нам не должны проникать такие персонажи. Это отрицательно влияет на студентов, да и на сотрудников тоже. Придется мне написать докладную Сергей Петровичу... А он уж пусть пишет объяснительную!

Старший кивает, хотя от слов “докладная” и “объяснительная” его слегка мутит. Но его младшему собеседнику это знать не обязательно.

Младший продолжает:

- Вот, к сожалению, приходится лицезреть такие человеческие отбросы. Их надо, я думаю, отселять в специальные такие регионы...или содержать в этих самых, ну ты понимаешь... Нельзя же, чтобы они отравляли жизнь нам, нормальным людям...

Старший пытается кивнуть в знак согласия, но шея почему-то окаменела. Кивнуть не получается. Сказать нечто одобрительное тоже не удастся. Что-то мешает. Он вспоминает, как сам сошел с ума. Он хорошо помнит, отчего это случилось и как выглядело изнутри и снаружи. Еще он помнит, что ему помогло вернуться. Ему кажется, что сейчас он снова на краю этой воронки...

- Ну бывай, - говорит младший, - мне пора на совещание.

2013

32. КОНСЬЕРЖКА И ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Время от времени, пропадают какие-то вещи. Иногда (очень редко) они находятся, но совсем не там, куда я их положил. Вот, пожалуй, единственное разумное объяснение: кто-то приходит, когда я сплю или в те редкие дни, когда выбираюсь из дому... Приходит и забирает их себе. Причем утаскивает предметы, не представляющие ни для кого ценности, кроме меня. Может быть, верхние соседи забираются через окно... Я был даже уверен в том, что забираются ко мне именно они... В сущности, мне некого было подозревать кроме этой немолодой бездетной пары, жившей на верхнем этаже. При этом я понимал, как опасно в пожилом возрасте спускаться с верхнего балкона на нижний, тем более, что муж страдал какой-то неизлечимой болезнью и передвигался по улице с палочкой, а у жены его была такая комплекция, что не приведи Господь!

Конечно, я обвинял их только мысленно, а вслух никогда не позволял себе высказывать никаких подозрений. Ну, залезают по ночам или днем, когда меня нет, - ничего страшного, ведь погрома они не устраивают...

И все-таки здороваться мы с ними перестали. Это случилось вскоре после того как они зачем-то унесли мою любимую вешалку для брюк. Встретив эту любезную парочку квартирных воров, я не сдержался и ехидно сказал

им: “Ну что ж, теперь ваши брюки, я надеюсь , всегда будут в порядке!”

Они одновременно вытаращили на меня свои лживые глаза, развернулись и пошли прочь, громыхая тростью и тряся телесами. Помню, я тогда крикнул им вслед:

- Честное слово, уж лучше бы взяли деньгами!

Я хотел тогда еще добавить пару слов его жене: ”Поберегите вашего супруга, перелезайте на мой балкон сами!”, но не успел, так как они уже скрылись за углом. Возможно, это было и к лучшему, так как мои слова, как я потом понял, можно было истолковать в совершенно ином, не предвиденном мною неприличном смысле.

Под большим секретом я тогда поделился своими соображениями с консьержкой, взяв с нее слово, что она никому о предосудительном поведении моих верхних соседей не расскажет. Дальше случилось то, в чем я себя обвинять никак не могу и, пожалуй, опущу неприятные подробности. Так или иначе, все обитатели нашего дома приняли мою сторону, найдя поведение моих верхних соседей неприемлемым. К тому же многие жильцы, вслед за мной, стали замечать исчезновения предметов в своих квартирах, причем, в отличие от моего случая, у них пропадали вещи значительной ценности...

Короче, вскоре вороватая парочка переехала на другой конец города, а вместо них поселились молодожены, у которых, я полагал, должны быть другие развлечения.

Целую неделю я прожил спокойно, а потом пропажи начались снова.

Я не знал, что и думать.

Может, мы все действительно ошибались?

Со временем мне пришло в голову еще одно объяснение пресловутых пропаж, позволившее мне обойтись без обвинений в чей-либо адрес.

Многие ученые люди (ничуть не шарлатаны) пишут о том, что наряду с нашей Вселенной существуют параллельные миры. Если допустить, что это действительно так, то все объясняется очень просто. Время от времени дверь в параллельный мир открывается, а потом захлопывается, захватывая с собой какой-нибудь предмет из нашего мира. Точно так же может быть объяснено и внезапное возникновение ранее исчезнувших предметов в самых неожиданных местах.

Я поделился своей мыслью с нашей консьержкой и сказал, что подумываю о том, чтобы разыскать съехавшую из нашего дома супружескую пару и принести им свои извинения.

- Ни в коем случае не делайте этого, - возразила мне мадам N (она запретила мне называть свою фамилию), - вы только травмируете эту пожилую болезненную пару. Им и так осталось недолго. А на себя навлечете гнев множества людей... Внесете сумятицу в их размеренную жизнь, где добро и зло занимают свои положенные места... Ну, или не совсем положенные... Но вреда от вашего правдоискательства будет явно больше, чем пользы.

Подумав хорошенько, я и впрямь решил не ехать. Но не из-за сомнительных рассуждений нашей консьержки и уж тем более не из соображений личной выгоды. Нет, дело совершенно в другом. Мне нужно сначала увериться, что параллельный мир действительно существует.

2016

33. ОТКРЫТИЕ

В ранней молодости Иван Петрович мечтал совершить какое-нибудь открытие и прославиться. Он любил представлять себе: скромный, одетый небрежно, но со вкусом, он идет по весенней улице, провожаемый восхищенными взглядами. И делает вид, что ничего такого не замечает. Его догоняет совершенно незнакомая, невыносимо прекрасная девушка и просит уделить ей пять минут. А он..., и тогда...

Годы шли, и юношеские эти грезы выветрились из головы Иван Петровича под влиянием житейских будней. Неприятно было, что бывший сосед по парте, Борька, действительно, так сказать, реализовал мечту Иван Петровича, но тут уж ничего нельзя было поделать.

“Пусть этот дурак лопнет от своей знаменитости, - говорил сам себе Иван Петрович, проезжая на троллейбусе мимо борькиного дома. – Вот я, например, чем я хуже? Ничем. И

это еще мягко сказано! Ведь зазнался, паршивец, на ровном месте. Хорошо хоть я первый перестал с ним здороваться.” Но со временем и эта обида прошла. Годы тянулись, и Иван Петровичу стало все равно – кто чего добился, кто , прости Господи, заболел или даже умер – это его перестало трогать. Он сидел на лавочке перед домом и вспоминал, заплатил ли за горячую воду по счетчику. Цифры на счетчике – пять тысяч семьсот сорок три - он почему-то запомнил, а вот заплатил ли он по квитанции или нет – это стерлось из его памяти.

Расстроенный, он стал думать о том, что когда-нибудь, конечно, настанет год с теми же цифрами, что у него на водяном счетчике. “Чтобы дожить до этого времени, - прикидывал в уме Иван Петрович, - мне пришлось бы прожить еще три с лишним тысячи лет. А ведь я и тысячи не проживу. Значит, меня тогда уж точно не будет.”

Внезапно Иван Петровичу показалось, что он обнаружил нечто настолько удивительное, что этим необходимо поделиться с окружающими. Ведь это необъяснимо и невероятно. Мир будет существовать, как ни в чем не бывало, но даже намек на Иван Петровича там уже не будет! Но кто сможет оценить всю важность, всю глубину открытия, которое он наконец совершил?

“Пожалуй, тут нужен нерядовой ум,” - решил Иван Петрович и трясущимися руками набрал номер своего бывшего приятеля. “Ну, сейчас я его обрадую, - предвкушал Иван

минуту долгожданного торжества, - что от него тоже шиш с маслом останется. Что он зря старался!”

- Борис Григорьевич уже два года как умерли, - услышал он в трубке незнакомый голос.

2016

34. В КУПЕ

Навстречу несутся бесконечные тоскливые сумерки, изредка перемежаемые желтыми огнями и серыми унылыми строениями. Низкая луна проридается сквозь колючие кусты. Бутылка коньяка уже прикончена, а тоска все не унимается...

- Ну что, - говорит Анатолий Петрович своему попутчику, - может, расскажешь что-нибудь интересное из своей жизни? Так сказать, под стук колес.

- А что рассказывать, - отзывается слегка опьяневший Вадик, - жизнь моя дурацкая! Вот расскажу вам, так и быть, про одну свою дикуую глупость. Было мне тогда лет тридцать. Казалось бы, пора уже что-то соображать... Короче, любил я лазить один по горам. Без снаряжения, без ничего. Забрался как-то раз на одну небольшую горку. Присел отдохнуть. Вижу – камень лежит. Ну я его и толкнул от нечего делать. Само собой, получился довольно приличный обвал. А внизу пляж. Я чуть с ума не сошел тогда... Повезло, что там никого не было...

- Да, - говорит Анатолий Петрович, выдержав небольшую паузу, - идиотом ты был порядочным. Мог ведь столько народу угробить ни за что, ни про что! Это ж надо в тридцать лет таким быть! А у меня была, значит, месяц назад совершенно другая история, хотя чем-то похожая. Только тут я сам мог, фигурально выражаясь, попасть под обвал. Госпитализировался, значит, мой друг в больницу с сердечным заболеванием. Человек науки, между прочим. Заведующий отделом, без пяти минут, как говорят, академик. Уже собирался выписываться, а тут, как назло, в одной газетке опровержение его результатов. Ну, я пришел к нему – надо же поскорее ответить мерзавцам, чтобы не оставлять это так... Но он никакого ответа не написал, а на следующий день умер. Вот был бы номер, если б я пришел к нему на день позже. Подумали бы, что это я, что это из-за меня... А так, пронесло – слава тебе, Господи!

Сумерки за окном густеют и бешено несутся навстречу, а тоска все не унимается и тоже густеет.

- Похоже, - бормочет Вадик, трезвея, - что не вы, а этот ваш дружок попал-таки под обвал. Отложенная смерть называется... Ну, это недоказуемо, так что спите спокойно. Не трепитесь только, а то мало ли что...

- Ах ты, сволочь! Да как ты смеешь! Да я тебя... – свирепеет Анатолий Петрович и пытается дать Вадiku в морду.

- Да вы не переживайте так, - говорит Вадик, отстраняясь от Анатолия и собираясь выйти в тамбур покурить, - я же не

называю вас убийцей. Может, вы и не убийца вовсе. Кто вас знает... Хотя... Кушайте пирог, а то за ночь засохнет.
2016

35. Доктор Моргов (пьеса)

Господин N. Войдите! Кто вы? Я вас где-то видел...

(вынимает что-то из ушей и кладет на блюдечко)

Sotrudnitza. Я из “Радостной обители”. Мы виделись утром, когда ваша тетушка... То есть вашу тетушку...

Господин N. Да, я понял. Это было ее решение. Мы, естественно, не оказывали давления. Ни в ту, ни в другую сторону. Поскольку мы – люди законопослушные.

Sotrudnitza. Вы догадываетесь, почему я пришла?

Господин N. Какие-нибудь последние распоряжения?

Sotrudnitza. Не угадали.

Господин N. Деньги?

Sotrudnitza. Нет.

Господин N. Но что же?

Sotrudnitza. Никому о моем визите, пожалуйста, ни слова. То, что я вам сейчас расскажу – тайна. Зачем я посвящаю в нее вас? Мне хочется от нее избавиться. Или, по крайней

мере, получить совет. Ведь эта тайна по праву принадлежит не только мне, но и вам. Речь пойдет о вашей тетушке...

Господин N. Ну, говорите же!

Sotrudnitza. Но сначала я хочу спросить вас - как вы относитесь к непреднамеренному подслушиванию?

Господин N. Как я могу к нему относиться, если оно запрещено? Сам я всегда (если только не веду, как сейчас, легально допустимую беседу) хожу в берушах, чтобы не слышать ничего лишнего. Когда загорелась красная лампочка и я сказал “Войдите!”, то потом при вас вынимал их из ушей. Это я специально сделал, чтоб вы видели. А то, сами знаете, всяко бывает. Потом себе дороже выйдет.

Sotrudnitza. (*рассматривает беруши*). Какие высококачественные! Я такие не могу себе позволить, к сожалению. А от тех, что похуже качеством, - толку никакого. Поэтому пользуюсь пальцами.

Господин N. Пальцами хуже. Все-таки кое-что просачивается, а кроме того, можно занести инфекцию.

Sotrudnitza. Особенно если приходится мыть полы в наших коридорах. (Это моя сверхурочная обязанность – пол там мыть.) Ну вот и не хочется грязные пальцы в уши себе совать. Поэтому я в последнее время манкирую. Тем более, что у нас трехслойная звуковая изоляция. Дверь в процедурную – стальная, обита войлоком с обеих сторон...

Господин N. Я вас понимаю. Все мы прощаем себе мелкие слабости. До тех пор, пока не случится что-то из ряда вон выходящее.

Sotrudnitza. Вот именно... Должна вам сказать, что еще ни разу из-за той стальной двери не доносилось ни звука. Поэтому я, ни о чем не думая, продолжала мыть пол, как раз там, напротив... Как вдруг до моих ничем не защищенных ушей донесся душераздирающий крик: “Я передумала! Пустите! Пустите!” Потом все стихло. Я как стояла с тряпкой в левой руке и ведром – в правой, так и застыла, хотя мне надо было, конечно, бежать оттуда...

Господин N. О, если бы вы только были в берушах – таких же высококачественных, как мои – вы были бы избавлены от этой проблемы. Нет, нам нельзя экономить на самом необходимом.

Sotrudnitza. Да, вы правы, наверное... И вот, пока я, оцепенев, стояла, дверь открылась и из процедурной вышел доктор Моргов. “Ты подслушивала, дрянная девчонка, - сказал он, - и тем самым нарушила сугубую конфиденциальность процедуры. Теперь только от меня зависит уволить ли тебя с негативной характеристикой или подать на тебя в суд за вторжение в частную жизнь.” Я хотела бросить ему в лицо: “Убийца!”, но не смогла...

Господин N. Как хорошо, что вы этого не сделали, и как правильно, что пришли ко мне за советом. Доктор Моргов всего лишь честно исполнил свой долг. В соответствии с договором, где отдельным пунктом прописано, что любые изменения в договор могут быть внесены только по обоюдному согласию сторон. Поэтому односторонние претензии моей тетушки были юридически безграмотны.

Sotrudnitza. Вы сняли камень с моей души, уважаемый господин N. Работать с доктором Морговым все прежние годы было истинным удовольствием для меня.... Снова хочется жить... Я верю, что доктор меня простит!

2016

36. ДАР

Если кто-то здесь думает, что я воображаю себя писателем, то это напрасно. Абсолютно. Мне все эти тиражи-миражи до фени. Напечатали – не напечатали, какая разница. Честное слово. Я, если и марал когда-то бумагу, то так, от нечего делать. Настоящий писатель – это тот, кто может, как говорится, глаголом жечь сердца кое-кому. Тут волшебный дар нужен, его никакой тренировкой не разовьешь. Вот я, например, таким волшебным даром не обладаю. И что же вы думаете – живу себе припеваючи! Мне и без этого вашего дара хорошо... Вернее, хорошо было. Потому что случилась тут одна неприятная история.

Пригласили меня в гости как-то в компанию, а там писатель один известный сидит, свои книжки дарит и надписывает, дарит и надписывает...

Посмотрел я на него и думаю. Нет, нельзя упускать свой шанс.

И говорю ему:

- Иван Петрович, дорогой вы наш! Хочу попросить вас об одолжении. Надпишите мне, если нетрудно, вашу книжечку в таком духе: «Моему ближайшему другу детства Мишелю от Вани, на добрую память о бурных днях совместно проведенной юности». Вас-то от этого все равно не убудет, а мне с такой надписью легче будет свои рассказы продвигать. Я эту вашу книжечку редактору покажу, а потом тихонечко свои рассказы подсуну. Ладненько?

Смотрю – он чего-то хмурится, в мою сторону не глядит и губами эдак презрительно зажевал.

Ну, думаю, вот ведь жмот какой попался. Даром не хочет людям помогать. Свою выгоду везде ищет, писатель хренов. Тогда я аккуратно так добавляю, чтоб никто посторонний не слышал:

- Понимаю, понимаю. За так, конечно, теперь ничего не делается. Но вы не волнуйтесь, я в долгу не останусь. У меня на даче грибки засоленные есть – объедение. Под водочку хорошо идут...

Смотрю, он поднялся, покраснел весь и говорит громким голосом, специально так, чтоб все слышали:

- Какие грибки! Вы с ума сошли! Я не продаюсь за ваши поганые грибки!

Короче, опозорил меня перед всем народом ни за что, ни про что. Чего я ему плохого сделал-то?

И в компанию ту перестали меня звать, ушел я тогда, даже шляпу свою забыл, а возвращаться за ней не стал. Противно

же, все-таки, когда такое отношение. И не заступился ведь за меня никто. Одно слово – равнодушные, мелкие люди.

Но на этом история не кончается.

Иду, значит, не солоно хлебавши, темно, дождик сверху льется, и вдруг чувствую что-то странное. Как будто я могу теперь вот так взять и совершенно любого человека проклясть.

Я говорю тогда в темноту:

- Не надо мне вашего дара. Что мне с ним делать?

Отстаньте от меня. Меня и без того тут оскорбили, унизили, да так, что дальше ехать некуда...

А из темноты вдруг голос - тихий такой:

- Прокляни кого-нибудь, и мы от тебя отстанем.

Ну, что делать? Надо проклясть, но так, чтобы человеку особо не навредить. Короче, наложил я на Иван Петровича проклятие: чтоб писать ему хотелось все больше и больше, а талант у него - чтоб пропал с сегодняшнего дня.

И, вот ведь, что интересно, слышал я краем уха, что исписался великий Иван Петрович, пишет всякую чепуху, а его публикуют и публикуют, потому что отказать не могут. И что конца и края этому ужасу не видно.

Но я не считаю, что так уж сильно пересолил. Уж больно невежливо поступил со мной великий Иван Петрович. А невежливость, само собой, должна быть наказана.

Вас, может быть, интересует – пропал ли у меня насовсем мой необыкновенный дар, после первого употребления... Честно скажу, меня самого этот вопрос очень даже волнует.

Но пока что не вижу подходящего объекта. Если кого-нибудь прокляну – сообщу.

2016

37. ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Звоню я как-то приятелю своему, Егору Марковичу, в этот городишко его занюханный. И говорю:

- Переезжал бы ты, Егор, что ли, в Москву, пока есть такая возможность. С жильем поможем, женим тебя на ком-нибудь...

Он отвечает:

- Нет, Семен Петрович, нету у меня этой наклонности - зря переезжать с места на место...

Ну я, конечно, его убеждаю:

- Егор Маркович, в своем ли ты уме? Москва – культурный центр всего самого передового. В Москве - одних музеев и всяких очагов культуры пруд пруди. Идешь себе по улице: куда ни плюнь - консерватория какая-нибудь или академия чего-нибудь высшего... И с продуктами у нас полный ажур: сыр есть, колбаса...

Он говорит:

- Не заманишь ты меня ни колбасой, ни консерваторией. Не поеду. Мне и тут хорошо. Я всем доволен.

Ну, я уже начинаю потихоньку выходить из себя:

- Ты совсем дурак, что ли? Что тебя держит-то?

Он отвечает:

- Вещи держат. Не повезу же я их с собой, они по дороге развалятся. Шкафы старые, диваны облезлые...вешалки...

Я говорю:

- Да выбрось ты их на помойку, вещи эти. Мы тут новые купим или подержанные в хорошем состоянии.

А он в ответ:

- Ну что ты такое говоришь, Семен. Как же я их выброшу? В них – душа, память...

Я опять пытаюсь его вразумить:

- Да нет никакой души в вещах! Ты вот, допустим, деревяшку сверлишь или гвоздь в нее забиваешь – она же не кричит от боли. Ей все равно, деревяшке этой.

А он упирается и не соглашается:

- Я, - говорит, - свои старые шкафы не сверлю и гвозди в них не забиваю.

Тут я понял, что он совсем псих. И говорю:

- Так ты что, получается, как пес на цепи вокруг этой рухляди?

Он соглашается:

- Да, - говорит, - получается, что как пес...

Но я все-таки не отступаю:

- Эх, Егор, Егор! Погубит тебя твой вещизм. Нельзя так к вещам привязываться. Если уж тянуться к чему-нибудь, то к культуре или хотя бы к науке! А то представь – вдруг у вас там наводнение или, еще лучше, землетрясение. Так и будешь со своими шкафами обниматься?

Он отвечает:

- Когда землетрясение, культура с наукой тоже не помогут.

Я говорю:

- Темный ты человек, Егор. Обидно, что ты остановился в своем развитии. Ты же как личность становишься неинтересен!

А он опять соглашается:

- Знаю, что остановился. Застыл я.

Вот так мы и распрощались. Станный человек, ничего не скажешь. Не хочет жить современной динамичной жизнью.

2016

38. ЧАСЫ

Марья Петровна давно уже говорила своему Сергею: купи, мол, себе нормальные часы, чтоб людям показать не стыдно... А то ходишь, как этот...

А Сергей Васильич все отнекивался: отстань, мол, куплю, когда захочу, а сейчас мне и с этими часами хорошо!

И вот идет как-то раз этот Сергей по двору, мимо дома. Идет себе и думает: “Все у меня вроде нормально... Здоровье мое – грех жаловаться. Каждому бы такое здоровье! Квартира тоже есть. Марья Петровна тоже, вроде, есть.

Работа хотя и дурацкая, но непыльная. А как будто все равно чего-то не хватает.”

И вот с такими мыслями засмотрелся Сергей Васильич на маленькие белые облачка, плывущие по небу, и споткнулся, можно сказать, на ровном месте. Споткнулся и ударился об асфальт больно левым боком и часы свои заодно об асфальт тюкнул.

Дошел кое-как до скамейки, присел, почистил пиджак с левой стороны и говорит сам себе: “Эх, загубил часы, как пить дать... Посмотрю-ка я, что они там показывают.”

Смотрит – а с часами и впрямь непорядок. Где раньше дата высвечивалась – ничего не высвечивается, а в остальных окошках – 0 часов, 3 минуты, 17 секунд, и секунды не вперед бегут, а назад.

“Все. Угробил часы, - с грустью сказал сам себе Сергей Васильич, - придется их выбросить и деньги на новые потратить.”

Облокотился Сергей на спинку скамейки и снова стал на облака смотреть. Листья вокруг колышутся, еще зеленые, поскольку август месяц. Жучок какой-то небольшой летит, на лавку рядом с Сергеем приземляется и усиками тихонько шевелит.

“Вот, - думает Сергей Васильич, - раньше бы я этого жука сразу прихлопнул, а сейчас как-то нет настроения... Пусть себе живет.”

- Эй! – кричит Сергей проходящему мимо хмурому дядьке. – Закурить не найдется?

- Отвянь, - отвечает дядька, - не видишь – спешу.
- Поспешишь – людей насмешишь, - замечает ему Сергей.
- Не возбуждай, - отвечает дядька, удаляясь.

И вдруг сильное головокружение охватывает Сергей Васильича, как будто он очень прилично выпил и накурился крепких сигарет. Его взгляд падает на покалеченные часы, а на циферблате уже ноль минут и десять, нет, девять секунд... Странная догадка внезапно посещает его.

- Эх, ты! – говорит ему маленький жучок, расправляя крылышки. – На что последние три минуты потратил...

2016

39. СВИСТОК ОТ ЧАЙНИКА

Странные они, эти одинокие люди. Я их совершенно не понимаю и, честно говоря, недолюбиваю. Почему? Да вот за бестактность их. Как начнет такой говорить, так и не может остановиться, слова не дает вставить. Ты вот, допустим, тоже что-нибудь хочешь сказать – но нет, он сам говорит и говорит! Просто несчастье какое-то, ну разве можно так. Я этого совершенно не понимаю и не одобряю. Вот, допустим, мне уже надо бежать по какому-нибудь делу куда-нибудь, нет, он все держит меня за пуговицу и говорит, говорит. Отвратительная манера. И все это от дефицита общения. Депривация называется, если вы не знаете. Могут вам, кстати,

объяснить, что это такое. Что значит – знаете? Это вам только кажется, что знаете, а на самом-то деле, настоящего знания у вас нет. Одни поверхностные сведения, и больше ничего за душой, вы уж не обижайтесь. Откуда могут взяться настоящие знания, если не у кого было учиться? Вот так и происходит деградация. Вниз, так сказать, по лестнице, ведущей вверх. Но я отвлекся. Вы уж позвольте, я свою мысль доскажу до конца, если вы не торопитесь. Да и какие, собственно, сейчас могут быть дела? Сейчас же воскресенье. Пятница? Да вы шутите. Но все равно вам необходимо меня выслушать. Мысль-то важная. Вам самому может когда-нибудь пригодиться. Вы сейчас, наверно, подумали: где ж это такая глупость может мне пригодиться? Это все от излишней самоуверенности. С возрастом пройдет. Жизнь, так сказать, научит.

Так на чем же я остановился? Напомните мне, пожалуйста. Хотя не надо. Я сам уже вспомнил. Я хотел объяснить вам, за что не люблю, можно даже сказать – ненавижу одиноких людей. С ними невозможно общаться. Они все время только и делают, что трюндят о своем одиночестве, как им, видите ли, плохо живется. Терпеть не могу этих зануд. Ну сколько можно гундеть об одном и том же. Но нет – продолжают, и остановить их практически невозможно. Им, видите ли, дома поговорить не с кем, и они считают себя вправе тратить ваше драгоценное время, лишь бы выговориться. Не согласны? Поживете с мое, убедитесь в моей правоте.

Так, о чем я еще хотел вам сказать? Напомните, будьте так добры. О папуасах? По-моему, нет. Хотя ... может быть, может быть. Нам все-таки повезло с вами, что мы не родились папуасами. Впрочем, если хорошенько подумать, то еще неизвестно, кому больше повезло. Они там живут себе, никто их не трогает, никому до них дела нет. Разве это не прекрасно? На необитаемом острове. Словом, правда, перемолвиться не с кем. Нет, не хотел бы я там жить. К тому же, моя кошка там не приживется. Разве вы не знаете, что я живу вдвоем с кошкой? Поэтому у меня нет этих самых дурацких проблем. Мы все время с ней разговариваем. Я даже ей лекции по литературе читаю, с тех пор как меня выгнали. Старик и море – вот ее самое любимое. Да, вы разве не знаете, что меня выгнали? Странно, я-то думал, что все знают. А вы, оказывается, не знаете. Впрочем, все может быть. Я не такой уж известный человек, чтобы все знали, что со мной случилось. Тем более, что все равно все к лучшему. Разве не так? Куда вы ушли? Я еще не успел рассказать вам самое главное... Да, о самом главном я почему-то умолчал. О самом интересном. Как она украла у меня свисток от чайника, а потом вернула. Я ее очень просил, потому что этот свисток мне очень, очень дорог. И вот она мне его вернула. Я счастлив. Мне больше ничего не нужно. У меня все есть. А вы как думали? Что я еще могу быть чем-то недоволен? А я доволен, да.

2016

40. ЛИСИЦА

Вот тут-то Федор наконец пожалел, что не заколотил дверь в подвал. А дверь эта, надо сказать, держалась на одном гвозде. Дождь лил, не переставая, и мокрая лисица юркнула туда в темноту, гремя жестяными ведрами.

- Вишь, как у нее хвост висит и слюна течет? – сказал Рябинкин, отмывая от глины сапог в луже у федорова крыльца. – Бешеная она.

И Рябинкин отправился восвояси. У него было своих дел невпроворот. К тому же, помогать кому-либо за «просто так» не входило в его привычки.

- Папа, что же мы будем делать? – спросил маленький Федя.

- Не знаю, - отозвался Федор Петрович. Потом нажал на выключатель; лампочка вспыхнула и погасла.

Он и раньше стрелок был совершенно никакой, но теперь в серых, быстро густеющих домашних сумерках вовсе растерялся. Заряженный карабин бестолково болтался у него на плече. Пока было более-менее светло, преимущество было на его стороне, но в темноте их с лисицей роли

преследователя и жертвы, пожалуй, поменялись. Шум дождя заглушал неровное лисье дыхание и ее тихие шаги. Она могла напасть в любую минуту, а он не успел бы выстрелить.

- Папа, давай попросимся ночевать к Рябинкину, - сказал маленький Федя.

- Он не пустит.

- Почему?

- Потому, - отозвался Федор Петрович. Ну как объяснишь ребенку, что за фрукт этот Рябинкин? Когда-нибудь потом он объяснит, но не сейчас.

“Хорошо, что лисица не знает, что мне страшно”, - подумал он, и чуть не поперхнулся: “А вдруг она знает?”

- Папа, а где наш фонарь? – не отставал от Федор Петровича маленький Федя.

- Был на полке, но сейчас его там нет.

- Папа, может быть, пойдем на улицу и где-нибудь спрячемся?

- Нет, - ответил Федор Петрович, потом внезапно вскинул свой карабин и выстрелил в темноту.

Послышался какой-то хлюпающий звук, но что он означал, было непонятно. Зато Федор наконец вспомнил, куда он задевал фонарь. Фонарь был в куртке, за печкой.

Федор Петрович посветил в темноту, и они оба с маленьким Федей увидели лежащее на ступеньках худое рыжее лисье тело с разможенной головой.

- Папа, как ты сумел? – удивился маленький Федя.

- Случайно, - ответил, слегка запинаясь, Федор Петрович.

Он понимал, что убил лисицу не случайно. Но не объяснять же ребенку, что все случилось как бы само и не по его воле, а на него “что-то нашло”. Нет, такое ребенку точно говорить нельзя. Да и вообще про такое лучше помалкивать.

2016

41. ТАЙНА

Ну, наконец, зашел я в больницу к Степан Львовичу, а его завтра, оказывается, выписывают. Он сидит на кровати, босыми ногами болтает, а сопалатники его где-то на процедурах ошиваются.

- Привет, Львович, - говорю ему, - узнаешь меня?

Он отвечает:

- Здравствуй, Сережа... узнаю теперь,...я теперь всех узнаю, кого надо и кого не надо...

- Рассказывай, - говорю, - отчего ты здесь оказался. Что с тобой стряслось? Переутомился, может, на основной работе с этими, как их...?

Львович отвечает:

- Я ж здоровый мужик! У меня никогда ничего не болело... Как я мог там с этими переутомиться, сам посуди? Тут дело в другом...

- А в чем? – интересуюсь.

- Видишь ли, - говорит Львович, - работа моя очень мне нравится. Снимаю свадьбы всякие, похороны тоже

попадают... Везде угощение, уважение, музыка... Ну, я ж люблю всякие эти песни, очи там черные ...

Тут мне непонятно стало, куда он клонит. С одной стороны, значит, очи эти черные... А с другой - откуда тогда взялось его заболевание, когда он свой адрес забыл, фамилию и имя-отчество... Какая тут связь может быть? Разве что обыкновенное переутомление... Или выпил лишнего...

А он объясняет:

- Вот, слушай, как дело было. Никакое это не переутомление, и в выпивке я тоже свою норму знаю. Прихожу я, Сережа, вечером домой с последних похорон, настроение хорошее. Клиент мной доволен, я тоже не в обиде, и такое в природе за окном тихое счастье, что вдруг у меня в ушах зазвенела мелодия. Незнакомая совершенно и редкой, необыкновенной красоты. Я беру свой, значит, инструмент и хочу ее тихонечко сыграть... Совсем тихо-тихо, чтобы никого в доме не разбудить. (А поздно уже было, Машка моя с детьми уже спать легли.) Только мехи раздвинул, и тут же мелодия эта у меня вылетела из головы, как будто и не было ничего. Я аккордеон положил, и вдруг она снова ко мне вернулась и как зазвучит в ушах!

Я тогда говорю:

- Все-таки зря ты, Львович, в доме в такой поздний час взялся за аккордеон. Не мог на улицу выйти, что ли?

Он отвечает:

- Да я так и сделал, Сереж. За кого ты меня принимаешь? Я же не буйан какой-нибудь, а примерный семьянин, у меня

дом – полная чаша. Жена, дети – все одеты, обуты, на кухне – польский гарнитур и так далее... Короче, вышел я на улицу с инструментом, погода хорошая, луна светит. А история опять все та же самая. Только руки на клавиши положу, мелодию забываю. Скидываю с себя аккордеон на лавку – а она, мелодия эта, опять звенит в ушах... И ведь не простая какая-нибудь, а редкой, небывалой красоты. Все хотел ее для людей исполнить, всю ночь промучился... А что дальше было – не помню.

- Ох, Львович, - говорю ему, - ты уж больше за этой мелодией не гоняйся. Все-таки ты единственный кормилец в семье... О Машке и детях подумай... Вдруг опять переутомишься и снова разум потеряешь?

А он:

- Прав ты, Сережа. Но не во всем. Это было не переутомление, а наказание. Понимаешь? Мелодия была моя тайна, а я этого не понял и хотел ее всем на своем аккордеоне разболтать.

- Да, - говорю, - придется тебе аккордеон для верности продать. На всякий случай.

2016

42. ОТРАЖЕНИЕ Z

Почему-то ни в одном кошмарном сне не задавался я вопросом: а не сон ли это? (Вот сейчас проснусь, и весь этот ужас исчезнет...) Видно, природа поставила в мою голову какую-то блокировку. Другое дело – наяву. Все время хочется, чтобы эта явь оказалась сном...

Сейчас, когда дни мои истаивают и уже пошел, как говорится, обратный отсчет, я хочу вам рассказать одну забавную историю. Как вы, может быть, знаете, уродство мое – врожденное. Это ведь не шутки – кривая челюсть и отсутствующая половина лица... Кто бы спорил, не так ли?

Когда я был помоложе, каждое утро, просыпаясь, я работал над собой, чтобы не возненавидеть всех нормальных людей, лишенных моего недостатка. Да, вам трудно такое представить, а мне приходилось убеждать себя, что они не виноваты, когда шарахаются от меня и не желают иметь со мной дела. Сейчас-то мне уже все равно...

И одиночество, конечно, угнетало меня.

Тут я должен сказать, что иногда красивые женщины (они были намного старше) сближались со мной. Возможно, они это делали из жалости или им была присуща какая-то особая форма мазохизма... Не знаю. Впрочем, стоит ли об этом вообще говорить?

Но для того, чтобы нормально развиваться, юноше нужна мужская компания, и этого я был начисто лишен.

Кстати, тут имелась еще одна сторона вопроса, о которой я должен сказать.

Молодые люди, с которыми я волей-неволей сталкивался, пока учился в своем унылом, обшарпанном институте, были мне попросту неинтересны. Я и сам не хотел бы водить с ними дружбу! И то, что они от меня шарахались и замолкали при моем приближении, меня в какой-то степени забавляло.

Был, впрочем, среди этой компании некто Z, обладавший большими способностями к изучаемому нами предмету и незаурядным артистическим даром. Со мной он обходился всегда подчеркнуто вежливо, при встрече снимал шляпу и сдержанно улыбался... Конечно, мне хотелось бы, чтобы Z был моим другом, но для этого, как вы понимаете, были объективные препятствия.

А жизнь без дружеского общения ненормальна; она искривляет человека, поселяет злобу на место сочувствия, ну и так далее...

Короче, прошло довольно много лет. Мы случайно столкнулись с Z на концерте, куда я привел свою тогдашнюю даму, а он – своего старшего сына. В антракте мы раскланялись, обменялись парой ничего не значащих фраз, и я с удивлением заметил печать заурядности, проступившую на его лице.

Вы спросите, что я испытал при этом? Какую-то странную смесь жалости и злорадства.

Да, именно так. Приходится быть искренним...

Потом прошло еще много лет, я совершенно забыл про существование Z, как вдруг до меня дошли слухи, что он умер.

Поток времени безжалостно засосал его в черную дыру вместе с его талантами, удачами, артистизмом и еще всем, что у него там было. Собственно говоря, тот самый поток, который сейчас собирается проглотить меня...

Но это не все.

Пару дней тому назад (или это было вчера?) я на некоторое время буквально отключился от окружающей суеты, полностью отдавшись своим мыслям. А когда пришел в чувство, то обнаружил себя в большом (видимо, концертном) зале с высокими зеркалами на стенах. В одном из зеркал я увидел свое отражение, а несколько поодаль – отражение Z.

Я обратил внимание на его неловкую позу и растерянную улыбку. Казалось, он смотрел в пространство сквозь меня. Я не стал оборачиваться, чтобы узнать, действительно ли Z стоит за моей спиной, а вместо этого помахал его отражению рукой. Зеркальный Z даже не шелохнулся.

Но настоящий Z непременно бы мне ответил - он всегда был очень вежлив! Так я внутри сна впервые определил, что это был сон. Совершилось то, что всегда казалось мне невозможным.

Не пойму только, зачем Z прислал свое отражение. Передать - что уже скоро, совсем скоро вместе со мной

исчезнет, наконец, мое уродство? Это я знаю и без него. Он хотел сказать что-то другое...

2016

43. ПЕЩЕРА

Захожу я к Христофорычу чисто по-соседски. Вижу – он за столом сидит, какие-то фотки раскладывает. А на столе, как всегда у него, - стакан кефира, банка варенья, крошки хлебные...

- Что это за фотки тут у тебя, - спрашиваю ненавязчиво.

- Это, - говорит, - женщины, которых я когда-то любил...

- Ого! Целых семь штук бабцов...

Он отвечает:

- Не обижайся, Семен, только ты дурак. Во-первых, они все были Женщины с большой буквы, а не эти, как ты выражаешься... даже повторять противно. А во-вторых, семь – это очень даже немного...

“Ничего себе, немного,” – думаю, но вида не подаю. А вслух говорю:

- А что, Христофорыч, не боишься ты свои фотки вареньем замазать?

- Не боюсь, - говорит, - в случае чего я тряпочку намочу и их отчищу.

Я тогда разозлился на него, сам не знаю почему, и говорю в сердцах:

- Ну и поросенок же ты, Христофорыч! И за что только тебя эти твои женщины любили?

Он отвечает:

- А я и сам не знаю, за что. Человек я непрезентабельный, это ты сам видишь. Кто их разберет, этих женщин?

- Да, - говорю, - непонятно, чем ты их все-таки приманивал. Дуры они! Клюют непонятно на что, а потом жалуются... А когда видят – человек спокойный, аккуратный, обстоятельный – они нос воротят!

Он меня успокаивает:

- Не бери в голову, Семен. Любовь, она и не такие штуки выделяет. Вот, недавно я в газете фотографию видел – два скелета обнимаются и целуются и даже больше того...

- Что, скелетам больше делать нечего? – говорю. – Чушь ты какую-то городишь, Христофорыч! Совсем плохой стал...

А он:

- Не сердись, Сеня. Это на самом деле было. Древнюю могилу какую-то раскопали или, может быть, пещеру. На греческом полуострове. Отчистили там все и видят: юноша и девушка в объятиях друг друга. Но оба – скелеты. Чем-то их засыпало сверху, когда они это самое...

Я говорю:

- Вот не занимались бы этим самым, может, и не засыпало бы их. А так - и пожить не успели и вообще жили зря...

Но Христофорыч гнет свое:

- Ну, пока их не раскопали, можешь думать, что они жили зря. А когда раскопали – то уж точно не зря. Это надо видеть, чтобы понять.

Я говорю:

- Мне что-то эти скелеты не повышают настроения. Надеюсь, что их там расцепили и похоронили по отдельности, как положено.

А он:

- Ты что, им завидуешь, что ли?

Я тогда плюнул и ушел к своей Верке. Тем более, что запахло борщом. А Верка не любит, когда я опаздываю к обеду.

2016

44. ПРОГУЛКА

Господин N неторопливо шел по бульвару, огибая лужи, как вдруг с его уст, неожиданно для него самого, сорвалось:

- Устал, устал бояться!

“Ой! Что же это я такое сморозил?” – подумал господин N, испуганно оглянувшись и буквально столкнулся взглядом с незнакомцем, который, оказывается, шел за ним по пятам.

- Извините за несвоевременное вмешательство, - сказал незнакомец, - но мне послышалось, будто вы сказали: “Устал, устал бояться!” Позвольте полюбопытствовать, а чего именно вы так устали бояться?

- Я просто так брякнул, - ответил N, изображая хладнокровие, - ничего я не имел в виду.

Мне нечего бояться, совершенно нечего.

- Что-то у вас с логикой, батенька, - вежливо парировал незнакомец. - То «устал бояться», а то – «нечего»...

- А кто вы, собственно, такой! – осмелел, наконец, N. – Я вообще не обязан вам отвечать!

- Выходит, просто боитесь сказать! - обрадовался незнакомец. - Значит, есть чего бояться!

- Нет, нечего, нечего мне бояться! – воскликнул N плачущим голосом. - Я не совершал ничего такого...

- Какого такого?

- Никакого, никакого никогда не совершал!

- Нет, ну вы крепкий орешек! Он, видите ли, ничего никогда не совершал!

- Нет, вы передергиваете! Я не так сказал!

- Ничего я не передергиваю, все вы так и сказали!

- Не врете! (Выкрикнув это, господин N побледнел, схватился за сердце и стал медленно оседать в глубокую лужу, полную осенних листьев.)

Но незнакомец, проявив изрядную ловкость, подхватил господина N и усадил на сырую парковую скамейку.

- Ну и напугали же вы меня, - сказал незнакомец.

- А вы меня – нет! – слабым голосом отозвался N. – Давайте, что у вас там есть, я согласен. Против лома нет приема.

- Боюсь вас расстроить, - сказал незнакомец, - но мне от вас ничего не надо. Я просто так поболтать хотел. Погода хорошая, а гулять один я не люблю...

- Так, значит, вы не это самое?!

- Нет-нет, я мастер по ремонту телевизоров.

Тут глаза господина N необычайно расширились, и он потерял сознание.

2016

45. ДЕГУСТАЦИЯ *(пьеса)*

А. Какими судьбами?

В. Да вот, мимо шел... Не утерпел! Столько лет не виделись...

А. Да уж лет двадцать, я думаю...

В. А то и все двадцать пять! Как ты жил все эти годы, что поделывал?

А. *(в сторону)* Зачем ему это знать? Мало ли как я жил? Я же не спрашиваю, как он жил!

(обращается к В) Жил то так, то сак. В общем и целом – неплохо. Даже хорошо. В смысле – замечательно. Так что не могу пожаловаться.

В. А зачем жаловаться, если все хорошо.

А. А я и не жалуюсь.

В. Ну, зачем вот так сразу обижаться. Я же не тебя имел в виду. Просто встречаются еще такие среди нас. Любители. Все им не так, все их почему-то раздражает. Верно же?

А. Может, и встречаются, но я лично не встречал.

В. Как твой старый друг, скажу тебе откровенно. Ты, наверно, просто забыл. Или, может быть, чересчур благодушен. Нельзя давать им спуску! Особенно в такое время, как сейчас, когда каждый просто обязан приносить максимальную пользу. А куда ее приносить, эту пользу? Не себе же! А обществу. Правильно я говорю?

А. Правильно-то оно правильно, но...

В. Что значит «но»? Здесь не может быть никаких «но». Только «правильно» или «совершенно правильно». Так что завтра вместе идем на дегустацию.

А. Я завтра не могу. Я простужен. И к тому же в этом месяце я уже дегустировал. Я уже выполнил свою норму!

В. Что я слышу? Хорошо, что кроме нас здесь никого нет. Что значит «выполнил свою норму»? Ты же сбежал! Не дай бог, кто-нибудь кроме меня узнает, что ты... Надеюсь, ты меня понял?

А. П-понял.

В. Так что завтра с утра идем дегустировать. Кстати, в целях общественной безопасности ведется видеонаблюдение. А после процесса дегустации строжайше не рекомендовано сплевывать. В течение часа. Недружественные нам силы могут интерпретировать это как недружественный акт.

А. А если я не смогу вытерпеть целый час?

В. Ну, сделай вид, что сморкаешься. Хотя сморкаться тоже не рекомендовано.

А. Но как же быть, если у бедя дейсдвидельдо дасморг?
(Сморкается)

В. Издеваешься! А ведь содержимое твоего носового платка могут и проверить! Хочешь поставить нас обоих в безвыходное положение! Я же твой старый друг! Чем я заслужил такое отношение? Учти, вместо меня могли вообще прислать какого-нибудь бездушного работника, которому было бы наплевать на твой насморк и на тебя самого. Но там – заметь – решили иначе. И прислали меня. Вот откажусь от тебя, посмотрим, что ты запоешь...

А. Нет, пожалуйста, не отказывайся... Я, ты ведь знаешь, несколько задержался в своем развитии... Болел в детстве... До меня туго доходят простые человеческие истины... Конечно, на добро я должен отвечать только добром...

В. Вот сразу бы так. Ну, ничего. Я не обидчив. И еще – следи, дружок, за выражением лица, когда до тебя дойдет очередь.

А. О боже! А вдруг я не смогу и меня стошнит?

В. У тебя впереди сутки. Тренируйся. Возьми большое зеркало, запасись продуктом. И тренируйся. Я уверен, что у тебя получится. Я верю в тебя. Ты сможешь.

А. О! Благодарю тебя, мой друг... Как это ошеломительно-прекрасно - в трудную минуту вдруг обнаружить надежное плечо, на которое можно опереться!

2016

46. ФИГА

А проснулся Петр Сергеич с неприятным привкусом цементной пыли на губах. Вчера весь вечер вешал старинное зеркало в прихожей, сверлил бетонную стену... А как повесил – сразу же свет во всем доме вырубили. Даже посмотреться в это зеркало они с Машкой не успели. Зато сегодня, погожим летним утром, решил Петр на себя взглянуть. Любопытство его одолело: каково это – собственная личность посреди старинной золоченой рамы?

“Интересно, - думал Петр Сергеич, приглаживая волосы, - а кому это зеркало раньше принадлежало? Может, дворянам каким-нибудь? Или купцам? Потом, конечно, экспроприация-фигация... А теперь вот, пусть у нас с Машкой в прихожей повисит.”

Такие вот мысли блуждали в голове у только что проснувшегося Петра Сергеича, которому не терпелось покрасоваться перед приобретенным отражательным предметом.

Надо сказать, что внешность у Петра Сергеича была самая что ни на есть благонаправная, плакатная даже, можно сказать. Так что всегда ходил Петр с гордо поднятой головой мимо облеченных полномочиями представителей; шел себе,

ничего не опасаясь и радуясь жизни. Никогда не приходилось ему, как нашкодившему коту, отводить глаза в сторону, топорщиться или, тем более, в страхе перебегать на другую сторону улицы...

Так вот, включает этот наш Петр в прихожей свет, смотрит на себя в это самое зеркало и видит: что-то не то. Или, может быть, не совсем то. Вместо своего обычного открытого взгляда и приветливой ясной улыбки видит он неприятную какую-то рожу. Вроде бы это он, но в то же время – не совсем он. Улыбка какая-то кривая и подозрительная. А выражение лица – скрытное и высокомерное.

“Может, это зеркало какое-то кривоватое?” – подумал Петр и начал вертеть шеей так и сяк, в надежде узреть в бракованном зеркале свой привычный облик. Чуть шею себе не свихнул, только зря старался.

- Ах ты, подлое! – не удержался Петр, обращаясь не то к зеркалу, не то к собственному отражению.

И тут, к своему изумлению, этот Петр видит, как его собственное отражение показывает ему фигу. Петр, конечно, не растерялся и в ответ тоже показал ему фигу, так что равновесие в природе было восстановлено.

Но вот когда собрался он разжать свои пальцы, чтобы взять сигарету или что-то там еще, то обнаружил, что пальцы не разжимаются.

“Вот тебе и раз!” – подумал Петр Сергеич, взвешивая в уме возможные последствия.

Разбудил он тогда свою Машку и поведал ей о свалившихся на него неприятностях.

- Петь, ты хоть понимаешь, насколько это серьезно? – сказала Маша, вылезая из-под одеяла. – Ты хоть понимаешь, что фи́га – это чуждая нам символика, олицетворяющая враждебные идеалы! Недаром фиговые деревья вырубают... И плоды их - фи́ги эти, оказывается, ядовитые! Не раздумывай, вызывай невропатолога на дом! Или хирурга...

Долгие три часа прошли в беспокойном ожидании - удастся ли подобрать щадящее лечение?

Но приехавший платный доктор не принес облегчения. Деньги взял, а вместо облегчения сказал:

- Случай сложный с медицинской точки зрения. А с точки зрения общественной нравственности – случай простой. Вы же знаете, что фи́га – атрибут всего мешающего нам двигаться вперед, талисман темных сил, стоящих на пути сил света. Поэтому я был просто-напросто обязан сообщить, что по данному адресу...

Уходя, доктор потрепал по плечу рыдающую Машу, потом поправил на себе шляпу и мельком взглянул в старинное зеркало, висевшее в прихожей. С ужасом он обнаружил, что его собственное отражение злобно подмигнуло ему и показало сразу две фи́ги. Не в силах сдержаться, доктор ответил ему тем же. Он все еще пытался разжать намертво заостреневшие пальцы, когда в дверь позвонили.

2016

47. НЕ СУДЬБА

Профессор Емельян Григорьевич медленно шел, слегка прихрамывая, из магазина домой. Но хромал он не от недостатка здоровья или какого-либо врожденного увечья, а потому, что в левом ботинке, в отличие от правого, у него не было стельки. “Прекрасна ли жизнь?” – вот о чем задумался Емельян, но не находил ответа на поставленный самому себе каверзный вопрос.

“Эх, - размышлял Емельян, - посмотришь, бывало, с одного боку - действительно, она прекрасна. А как посмотришь с другого боку, так она не только не прекрасна, но безобразна и даже хочется от нее, проклятой, бежать куда глаза глядят.”

- Жаль, - укорял себя Емельян, недавно защитивший диссертацию, - что нет у меня больше никакой достойной цели, ради которой я мог бы пожертвовать собой или еще чем-нибудь эдаким ... Но в чем тогда мое отличие от обыкновенного бессмысленного животного?

Так рассуждал Емельян, ковыляя по двору, наполненному осенними криками грустных маленьких детей.

Внезапно его взору предстала странная, невиданная им прежде картина. На крыше черного блестящего автомобиля сидела пожилая ворона и обкаркивала прохожих.

Удивленные люди задерживались ненадолго, но потом их любопытство угасало, и они шли дальше по своим делам.

- Милая, - обратился Емельян к вороне, - чего же ты хочешь? Может, у тебя что-то болит?

Ворона, каркавшая до того на молодую женщину с ребенком, посмотрела на Емельяна и каркнула с удвоенной горечью.

- Какая же ты хорошая, - продолжал обрадованный Емельян, - не пойму только, чего ты хочешь... Ведь не каркаешь же ты просто так?

Ворона утвердительно каркнула.

- Прости, - сказал Емельян, - что я не понимаю, о чем ты каркаешь. Твой язык мне незнаком, я перед тобой как иностранец в чужом краю...

Тут молодая женщина показала своему ребенку пальцем на Емельяна, а потом повертела этим пальцем у виска, после чего решительно повела ребенка прочь. К счастью, рассеянный Емельян ничего этого не заметил. (Он и на лекциях своих тоже многого не замечал.) Он продолжал задавать вороне вопросы, а сердце его сжималось от незнакомой прежде тревоги.

- Тебя что-то заботит, - продолжал Емельян, время от времени прерываемый хриплыми вороньими ругательствами, - а я бессилен тебе помочь. Как, впрочем, и самому себе.

Знала бы ты, что я в своей жизни перенес. Да, я кое-что испытал. Не то, что некоторые. Но, как видишь, тем не менее...

Редкие прохожие без удивления теперь скользили взглядом по Емельяну и по взъерошенной птице и больше не останавливались поглазеть. Словно что-то неуловимо изменилось в окружающей местности, постепенно наполнявшейся сумерками.

- Я столько вытерпел, - не мог остановиться Емельян, - и все же, как видишь... Я сумел... Я преодолел... Хотя весь Ученый совет...

Ворона, помолчав, еще раз каркнула, но ею уже овладевала безнадежность. Она хотела сообщить этим идиотам то, о чем они даже не подозревают. Но, видимо, не судьба.

- Милая, куда же ты? – вскричал Емельян Григорьич, провожая улетающую личность взглядом.

2016

48. КТО-ТО ПРОБЕЖАЛ И ИСЧЕЗ

Терентьев уселся на скрипучий стул, нагнулся над обеденным столом, чтобы разглядеть что-то необычное, но дальнозоркие очки его сползли на самый кончик толстого, некрасивого носа. Тут он заметил, что кто-то пробежал по столу неслышными мягкими шагами от чашки к тарелке и исчез. “Кто пробежал, зачем пробежал – какая разница?” – подумал Терентьев, но на всякий случай приподнял тарелку. Под ней, как и ожидалось, никого не было. “Никого нет,” – подумал Терентьев, нисколько не удивившись. “Может быть, никто и не пробежал, а мне просто показалось, – продолжал думать Терентьев. – К тому же, какая разница - пробежал, не пробежал? Не все ли равно?” На самом деле не это его сейчас взволновало. У него непонятно почему возникла другая забота. Он почувствовал, что его со страшной силой “засасывает”...

Когда-то, лет шестьдесят тому назад, он видел, как болотная жижа засасывает животное. Животное это уже смирилось со своей участью и перестало трепыхаться... Терентьев до сих

пор ясно представлял себе эту картину: теплый летний вечер, вдалеке сосны, запах прелой травы и все остальное... А вот вспомнить свои тогдашние чувства почему-то он не мог. Слишком давно все это происходило. Кстати, ему самому было тогда лет пять, не больше. Уж наверное, переживал он, что животное тонет в трясине, а помочь невозможно. Только вряд ли ребенок мог представить себе чувства, которые испытывает засасываемый болотом зверь... Зато теперь Терентьев, вроде бы, ощутил что-то подобное.

Внезапно ему захотелось вернуться в собственное прошлое, и тяга эта неудержимо росла, становилась навязчивой и невыносимой.

“В какое еще прошлое? Это же невозможно! Туда, к этому животному? Зачем оно мне сдалось? Оно же захлебнулось!” – эти бессвязные мысли некстати клубились в голове Терентьева, мешая ему сосредоточиться на визите гостей, назначенном на вечер. За покупками пора уже было идти в продовольственный магазин... Маша сыру просила купить, майонезу тоже, хлеба нарезного для гренок, бутылку красного...

- Петя, ты чего копаешься? Быстро давай дуй в магазин! Кому сказала! – прикрикнула Маша на своего нерасторопного супруга. Но, не услышав никакого ответа, вышла из спальни на кухню - посмотреть, в чем дело.

На стуле висели аккуратно сложенные брюки и пиджак Терентьева, тут же валялось его скомканное нижнее белье и дырявые носки... Очки лежали на обеденном столе рядом с недоеденным бутербродом. Но самого Терентьева нигде не было.

Изумленная Марья Иванна присела на стул, на котором только что восседал ее Петя, и, подперев голову обеими руками, пригорюнилась. У всех мужья как мужья, а этот... Прямо слов нет...

Внезапно она заметила, как кто-то пробежал по столу от чашки к тарелке и исчез. “Подумаешь, пробежал и пробежал, какая разница!” – резонно заключила Маша, но на всякий случай все же приподняла тарелку. Впрочем, как и ожидалось, под тарелкой никого не было.

“Какое мне дело, кто это пробежал и куда исчез? – рассуждала Маша сама с собой. – У меня вон муж незнамо что вытворяет, я и то уже не реагирую”. И то ли от осознания своего неудачного замужества, то ли еще от чего, но внезапно ей остро захотелось вернуться в прошлое, туда, где происходило что-то очень важное, непоправимое и прочно забытое, и тяга эта каждую минуту росла, пока не стала совершенно невыносимой...

2016

49. ПОДАРОК

Василий Петрович Недоухов – это мой сосед с восьмого этажа. Мужик уже в возрасте, ничего не скажешь. Но все-таки, не совсем старик. И вот, значит, стал он болеть то одним, то другим. Как говорится, то понос, то золотуха. Скрючился, в рваной шапке стал ходить, на пальто какие-то пятна. Борода седыми клочьями торчит в разные стороны. С работы, опять же, начальник грозит выгнать. И так далее.

Я как встречал его, всегда здоровался, конечно, но особо не разговаривал. Вижу – годы берут свое, поделаться с этим ничего невозможно. Старый человек – кому он нужен? Вот он и перестает следить за собой. И это естественно – не так ли? И со мной когда-нибудь такое тоже приключится. Но еще не скоро, слава Богу.

Я даже хотел сказать ему: “Василь Петрович, побрился бы ты, что ли... А то совсем смотреть на тебя грустно...” Но удержался - не сказал. Действительно, зачем расстраивать хорошего человека?

И вот, упустил я его из виду ненадолго. На неделю, а может – дней на десять. А тут – иду как-то по скверу во дворе – и глазам своим не верю. Василь Петрович домой

возвращается. Причем его прямо-таки не узнать. Помолодел до невозможности. Костюм отглаженный. Вместо ключев на бороде – усики такие под носом. И рядом с ним – дама на каблуках. У меня даже челюсть отвисла. Как такое может быть? Конечно, я рад за него, но хотелось бы понять, в чем, так сказать, причина...

Не скрою, любопытство меня заело. На следующий день захожу, значит, к нему чисто по-соседски. Разузнать, что к чему. Вижу: тараканы на полу не валяются, кругом уют, на комодке букетик из цветочков стоит... И я говорю ему:

- Рад за тебя, Василь Петрович, что ты взялся за ум и привел себя в порядок. И женщину, наконец, себе завел такую стройную, на каблуках. Чувствуется, что это ее благотворное влияние тебя так оздоровило...

Он почесал затылок и говорит:

- Я знаю, Петя, что ты хороший человек, поэтому пообещай никому не рассказывать, что я тебе сейчас скажу. Какая, к черту, женщина? Ты что, не знаешь, что ли, что от них, от баб этих, наоборот, все здоровье пропадает... Помолодел я, Петя, и здоровье свое вернул совсем другим способом. Ну, ты же знаешь, что я совсем уже одряхлел... Ноги еле волочил... Печень... почки..., что там у меня еще было? Короче, загибался я. Дни начал считать, сколько осталось терпеть... И вот, вечером, тут как-то на днях, звонок в дверь. Я смотрю в глазок – мужик какой-то стоит. Одет нормально, ну лет тридцать ему, как тебе...

Я через дверь спрашиваю:

- Чего надо?

А он из-за двери:

- Дело есть к тебе, Василь Петрович.

Я подумал: раз он мое имя-отчество откуда-то знает – почему бы не открыть?

Открыл ему, а он:

- Давай, - говорит, - Василь Петрович, я тебе свое здоровье отдам!

Я, конечно, ему не верю - кто ж здоровье свое другому отдаст? Тем более – за просто так. К тому же это и невозможно... И в шутку отвечаю ему:

- Отдавай, если не жалко!

А потом , значит, интересуюсь, зачем ему это надо. Он отвечает:

- Исчезнуть хочу, а оно мешает. Уже скольким предлагал, никто не соглашается. Ты первый согласился...

Вот так мы с ним поговорили , значит, потом смотрю – а его нет. Я на всякий случай весь подъезд обошел и даже на улицу выглянул – и там тоже его нет. Я тогда решил, что все это мне приснилось. Расстроился, значит, и залег спать в свою берлогу. Утром просыпаюсь – ничего не болит!

- Надо же, - говорю, - Василь Петрович, какая история. Ни за что бы не поверил, если бы своими глазами на тебя не смотрел! А все-таки – зачем тому мужику исчезнуть было надо? Ему-то чего не хватало?

- А хрен его знает, - сказал Василь Петрович, поливая цветочки из графина. – Может, были какие-то у мужика проблемы. Откуда нам знать.

2016

50. ОБЛАЧКО

В соседнем отделе мужчина один, Z его назову, случайно выпал из окна. По неосторожности. Окно, наверно, мыл – вот и не удержался. Хотя сейчас не сезон окна мыть. Ну, может, гвоздь зачем-нибудь в раму с наружной стороны забивал. Но про то, что вы подумали, говорить не приходится. Почему? Да он же единственный кормилец, практически. Родители старенькие, парализованные лежат. Нет, то, что вы подумали, это исключено. Выкиньте из головы даже мысль такую. Просто выпал человек из окна непреднамеренно.

С тех пор уже месяц прошел или даже больше. Собрались мы тут; Кирилл Степаныч, который его знал, салат с грибами раскладывает и говорит:

- О покойниках, сами знаете, либо хорошо, либо ничего. Так что, давайте помолчим, уважаемые друзья и коллеги! И выпьем молча!

Марья Иванна тогда не удержалась и прыснула, но на нее все так посмотрели, что, мол, не надо так уж, все-таки. А мы с Петькой переглянулись, и он спрашивает:

- А что, этот ваш Z, он что - совсем сволочь был?

Кирилл Степаныч посмотрел на Петю внимательно и говорит:

- Петь, а Петь! Вот какой же ты, чесслово, несознательный человек! Нельзя же вслух вот такое произносить, тем более – в неподходящий момент. Поэтому я предлагаю снова выпить, чтобы забыть невольную бестактность этого приятного молодого человека!

Ну, все, конечно, загалдели, снова выпили, покраснелись немного. И тут Петька-дурак опять спрашивает:

- А все-таки, Кирилл Степаныч, не пойму я...

Кирюха наш посмотрел на него совсем строго и говорит :

- Петя, ты же молодой парень! Ну чего ты такой зануда?

Пристал ведь как банный лист! Маша, верно я говорю?

Марья Иванна тогда вытерла губы, улыбнулась тонко и говорит:

- Кирюш, раз уж на пошло, расскажи нам свое сновидение!

Кирилл Степаныч откашлялся, обвел нас всех своим лучистым взором, подождал минуты две (чтоб тишина полная установилась) и начал:

- Друзья! Вы даже не представляете, как я вас всех люблю! Поэтому расскажу вам свое давнее сновидение, которое, может быть, примирит вас с утратой, которую мы, значит, сегодня... ради которой, значит... Так вот, приснилось мне,

что стоим мы вместе с Z в коридоре тут у нас, свет не горит, рабочий день, значит, уже кончился... За окном луна, тени листьев по стеклу скользят... И вдруг из темноты вылетает маленькое облачко и говорит человеческим голосом: “Ну что, господа, Силам Зла не хотите послужить? Отказываться у нас не принято. Так что не кочевряжьтесь. А не то я вам обоим такое устрою, что костей не соберете. Таких гадостей вам понаделаю, что вы и представить не можете.” Вот такую мерзость тонким голосом говорит и вокруг нас обоих быстро-быстро летает. Я тогда ему, облаку гнусному, прямо так в лицо и говорю: “Извините, неуважаемое, но я вашим силам зла прислуживать не намерен, поскольку всецело нахожусь на стороне Добра. Отстаньте от меня. Если хотите, договаривайтесь с Z. Может с ним у вас что получится.”

Тут Марья Иванна перебила рассказчика (удержать ее не было никакой возможности):

- Кирюш, извини, но разве так можно было? Зачем ты человека подставляешь? Как-то не очень красиво с твоей стороны получается! Или я чего не понимаю...

А Кирюха наш только рукой махнул и говорит:

- Маша, успокойся, это же сон был!

И продолжает (мы же просим, нам интересно, что дальше-то было):

- Короче, послушалось это облачко меня и вокруг нашего Z стало виться и на свою сторону его склонило...

Ну, мы все повздыхали потом, салат доели, посуду помыли и разошлись по домам. По дороге Петька мне говорит:

- Есть, значит, на этом свете высшая справедливость. Связался человек с Силами Зла и не пошло ему это на пользу. А Кирилл Степаныч устоял... И у него как раз все хорошо пошло... завсектором стал...

Я говорю:

- Петя! Не забывай, что это был сон! Ты же разумный человек! Ну, сам посуди, какое отношение может иметь сон к тому, что происходит наяву?

2016

51. ТАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ

Давно это было. Лет сорок тому назад, а то и больше - в самое, что ни на есть, глубоко советское время. Если кто из вас не знает, как тогда текла наша жизнь, то вот вам пример. Ждал я как-то недалеко от популярного ресторана свою приятельницу и прогуливался, подняв воротник. И что же вы думаете – через две или три минуты меня попросили предъявить документы...

Но я отвлекся.

Так вот, был я тогда отдаленно знаком с одним типом. Очень отдаленно. Такой бесконечно скучный был у него вид. Казалось, он скучен сам себе и терпит это с трудом. Такой

вот нестерпимо бесцветный тип. Общаться с ним у меня не было никакого желания.

А что же я сам представлял из себя в то время? Ничего особенного не представлял, к сожалению. Хотя... это смотря с какой стороны посмотреть. У меня была прямо-таки выдающаяся скорость реакции. Я мог на лету поймать пинг-понговый шарик, запущенный с неслыханной скоростью. А в остальном - ничем выдающимся я не обладал. И жил себе как все.

И вот иду я как-то вечером домой, и вдруг в переулке мне навстречу этот деятель, назову его Петя.

- Ах, - говорит, - Сеня, дорогой, как я рад тебя видеть. Очень нужно мне с тобой посоветоваться. Так как ты - человек понимающий.

Я прямо обалдел:

- Ну, это ты, дорогой Петя, преувеличиваешь мои способности. Я как был в школе троечником, так им и остался...

Он отвечает:

- Нет, Сеня, я знаю! Ты человек общительный и можешь кое-что посоветовать. Мне это нужно, так как я решил стать писателем и собираю теперь всякие истории из жизни. Сам-то я человек необщительный, а ты мог бы мне в этом смысле помогать. Тем более, что для тебя это будет совершенно необременительно – вспоминай только что-нибудь интересненькое и рассказывай. А за это я тебе тоже в чем-нибудь поспособствую...

Я говорю:

- Ну откуда ты это взял, что мои истории тебе пригодятся? У меня по литературе в школе всегда тройка была. Я ни одного стиха наизусть не помню. Зачем Раскольников свою собачку утопил – до сих пор не знаю...

А он:

- Мне, - говорит, - твоя тройка по литературе не мешает. А даже наоборот. Мне нужны живые, понимаешь ли, сюжеты. Истории всякие... Про то, где у нас не так, как хотелось бы. Про безобразие какое-нибудь, которое замалчивают. А общественность должна знать. Это мой долг будущего писателя обо всем таком рассказать. Понимаешь теперь?

Я говорю:

- Да, теперь понимаю. Есть у меня одна такая история... (Смотрю – он оживился, блокнотик вынимает и прямо под фонарем собрался записывать.)

- Вот, - говорю, - история, про которую никто, можно сказать, не знает. Очень грустная и даже трагическая...

Тут он заулыбался:

- Я, как будущий писатель, чувствую – это то, что мне нужно!

- Да, - говорю, - трагическая история произошла с моим другом детства. Он полез на даче крышу чинить, упал и умер. Напоролся на кол, и кол этот ему в спину вошел, а из живота вышел. Кишки, конечно, наружу. А еще один глаз у него от удара вытек...

Тут этот Петя меня перебивает и говорит:

- Извини, но это совсем не то, что мне нужно. У этой истории нет общественного звучания. Мне как будущему писателю она ничего не дает. Мне нужно что-нибудь про несправедливость, про возмутительные злоупотребления всякие. Неужели тебе нечем со мной поделиться?

Я отвечаю:

- Не знаю, не знаю... А глаз у того парня вытек, из уха кровь течет, он хрипит, дергается... Три часа мучился, пока не затих совсем... Потом этот кол из него выдирали, перемазались все до невозможности...

Тогда этот Петя говорит:

- Ты что – глухой? Мне это не интересно! Не понимаешь, что ли?

Ну а я ему:

- Как это не интересно? Дай досказать, раз уж я начал...

А он:

- Ты, Сеня, какой-то тупой. Очень у тебя замедленная реакция. И мне, как писателю, с тобой разговаривать нет смысла.

Я на всякий случай не стал с ним спорить. Хотел еще напоследок пару красочных деталей ему подкинуть, но прикусил себе язык. Опять же, на всякий случай. А он, не попрощавшись, развернулся и растаял в темноте. Больше мы никогда не виделись.

* * *

Много лет спустя, теплым осенним вечером, я оказался в компании, где шел довольно откровенный разговор о взаимоотношениях полов. Все мы были немного выпимши, и даже дамы позволяли себе рискованные метафоры и неподобающие их общественному положению сальные шутки. Компания была вся, как на подбор, курящая, так что беседа шла в клубах сизого дыма... И тут слово взял сидевший в углу упитанный господин и стал нам кое-что рассказывать о странностях любви на собственном примере. Меня поразил его невыносимо скучный, бесцветный голос. Этот голос мне что-то смутно напомнил из времен моей безвозвратно ушедшей юности. Но я не мог вспомнить – что.

- Вы случайно не писатель? – спросил я его.

Он посмотрел на меня в упор, но вместо ответа вскочил со стула, схватил свою шляпу, быстро вышел на улицу и исчез.

- Что ты ему такого сказал? – заволновались мои друзья.

- Ничего особенного, - ответил я им.

сент. 2017

52. ПОЛУЯРИНОФФ

«Дорогой мистер Полуяринофф», - печатал Сергей Петрович на служебном компе письмо самому себе. Для правдоподобности нужно сделать, конечно, побольше ошибок, - подумал он и продолжил:

«Мы есть Вам приглашать конференс для тематик...»
Тут Сергей задумался. Какую бы тему выбрать? Вот эта, может, подойдет: *Психические Расстройства Искусственного Разума и Этические Проблемы Ремонта...*

Да, подумал Сергей, эта тема не вызовет у жены подозрений. Хорошая тема, актуальная. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в комнате больше никого нет, он продолжил:

«Расход компенсир хостел и тикет аирбас.»

Через полчаса он был уже дома и говорил жене:

- Послушай, Лизончик, мне придется-таки ехать. Извини, что без тебя на этот раз. Будь умницей.

Интересно, она почувствовала подвох или нет? Странно, что на ее лице ничего не отразилось. Неужели полезет в его комп проверять? Придется сменить пароль, - подумал он.

На следующее утро по дороге в аэропорт он завернул в спортивный магазин и забрал оттуда пакет средних размеров.

Уже в самолете Полуяринов вспомнил, что так и не сменил пароль в домашнем компе.

- Ну и ладно, - пробормотал он себе под нос. – Пусть думает, что хочет. Главное, что я вырвался без скандала...

Горные хребты, увешанные бело-серыми облаками, медленно проплывали внизу. Полуяринов оцепенело уставился на них, крепко держа обеими руками пакет, приобретенный по дороге. Ему очень хотелось вскрыть бумажную обертку и убедиться, что там, внутри, именно то, что ему нужно. Что в магазине ничего не перепутали.

- Нет, лучше не буду привлекать к себе внимания, - прошептал он и вновь уставился в иллюминатор.

Уже вечерело, когда Полуяринов, наконец, прибыл в Certaldo-sul-Mare . Довольный, он сошел с трапа, прижимая к груди бумажный пакет средних размеров. Другого багажа у него не было.

- Хороший городок, - сказал сам себе Полуяринов, разглядывая пальмовидные араукарии и другие растения, окружавшие здание аэропорта. Впрочем, природа его не сильно интересовала. Он был равнодушен к красотам, видам и панорамам.

Прямо на дороге лениво расположились гигантские котовые лемуры, полосатые и глазастые, но даже они оставили Полуяринова равнодушным.

- Подумаешь, какие-такие животные, эка невидаль! – пробурчал он, обходя стороной местную фауну. Не ради же этих переростков он летел сюда, в такую даль.

Внезапно в кармане заурчал телефон.

«Сережа, ты мерзавец и ничтожный обманщик! – писала ему жена. – Я давно подозревала, что у тебя кто-то есть... Но зачем так жестоко... Чем я заслужила...»

Полуяринов не стал отвечать. Пусть думает, что хочет. Так даже лучше. Главное, что он успел улизнуть, что она не поймала его перед отлетом. А теперь он сам себе хозяин. К тому же у него есть при себе отличная вещь. И отличный план. Он сам это придумал. А зачем, зачем он это придумал? Тут он вспомнил, как давным-давно, еще школьником

услышал, как учительница сказала его родителям: «Ваш сын не способен на Поступок!»

А на какой Поступок он тогда оказался неспособен, Полуяринов, как ни старался, вспомнить не мог.

- Теперь Лизавета, конечно, начнет трезвонить мне на работу, - размышлял Полуяринов. – Ну и пусть. А что ей там скажут? Что я в отпуске с понедельника. Впрочем, все это совершенно неважно. А что важно? То, что произойдет завтра утром.

* * *

Фуникулер поднимался медленно и с неприятным скрипом. Все джамперы были моложе Полуяринова лет на двадцать, они шутили и веселились, время от времени поглядывая на него. Вингсьюты у всех тоже были отличного качества, от лучших производителей. Не то барахло, что мешком сидело на Полуяринове.

- Девилз пик, твенти найн саузанд фит эбав си, - раздалось откуда-то, когда они добрались до вершины.

Теперь Полуяринову, наконец, стало страшно и расхотелось прыгать. Впервые за долгие годы он ощутил очарование облаков, жесткой мерзлой травы под ногами, вдохнул обеими своими ноздрями особый, неповторимый запах камня. Внезапно, впервые за долгие годы, захотелось жить, вспомнились отец и мать, которые так любили его... «Не буду прыгать, - решил Полуяринов, - надо только из этой очереди суметь выбраться.»

- Гоу! – сказал толкач и легонько подтолкнул Полуяринова в бездну.

Первые несколько секунд он просто падал как камень, но потом догадался раздвинуть руки, чтобы замедлить падение. Виды, которые перед ним открывались, были настолько прекрасны, что желание жить, уже проснувшееся в нем, необычайно усилилось.

«Да, - мысленно обращался сам к себе Полуяринов, - она непроходимая дура и разговаривать с ней не о чем и, скорее всего, она мне изменяет... А какой дикой, невообразимой фигней я занимался до сих пор на работе... Но разве все это имеет значение, когда жизнь сама по себе так прекрасна, так неописуемо поразительна! Я больше никогда, никогда...»

Увлеченный внутренним монологом, Сергей Петрович не сразу заметил, что джамперы, летевшие перед ним, делали крутой разворот, не долетая метров двести до высоченного каменного столба.

«Интересно, как они это делают», - подумал Сергей Петрович, любуясь горными вершинами, озаренными утренними лучами солнца.

2017

53. АВГУСТ ЮРЬИЧ

Дверь в соседскую квартиру была приоткрыта, но оттуда не доносилось никакого шума. “Раздолбаи, - подумал Август Юрьич, спускаясь по лестнице. – Сами на дачу уехали, а

дверь не закрыли.” Но какое-то тревожное чувство его не оставляло. Он вернулся, приоткрыл пошире соседскую дверь, заглянул вовнутрь и крикнул:

- Есть кто?

Но никто не отозвался. Это было неприятно. Уехали, вещи все побросали. А дверь вот – настежь оставили. Разве люди так поступают?

Тут он вспомнил, что еще вчера, когда по лестнице спускался, то видел, что на третьем этаже двери в двух квартирах настежь распахнуты. Тогда он не придавал этому никакого значения. Подумаешь – двери в двух квартирах распахнуты! Эка невидаль! Ему-то какое дело, ему в магазин надо идти...

Но это было вчера. А сейчас, продолжая свой путь вниз, он забеспокоился. К тому же, еще парочка распахнутых дверей попалась ему на нижних этажах. Никакого шума или иных признаков живых существ он не заметил.

“Забрали их, что ли? – внезапно подумал Август Юрьич об исчезнувших жильцах, но потом отогнал от себя эту мысль. – Если бы на самом деле забрали, то двери бы уж точно опечатали.”

Он вышел во двор, слабо освещенный желтыми фонарями, и посмотрел по сторонам. “Странно, - подумал Юрьич, - что во дворе никого нет. И в окнах почему-то свет не горит. А что случилось – спросить не у кого.”

Августу Юрьичу стало не по себе.

Внезапно он заметил Петрова, который лежал на деревянной лавке и спал крепким, как железобетон, сном ябедника, распространяя вокруг себя винные пары. Юрьич, преодолевая врожденную брезгливость, растолкал Петрова, но ничего, кроме сонных ругательств, от него не добился.

Томимый несвойственной ему тоской, Юрьич прошел сквозь дворовую арку и вышел на пустырь, заросший бурьяном и жесткими бурыми травами.

Запрокинув голову, он впервые за последние сорок лет принялся рассматривать звезды, зачем-то изливавшие на пустырь свой бесплатный свет. Названия звезд, как, впрочем, и названия трав, были ему неизвестны.

То ли от звездного излучения, то ли еще от чего – вдруг почувствовал он в себе какое-то изменение. Его собственное, твердое как сырая картошка, привычное “я”, которое он всегда бережно носил внутри своей головы, вдруг сморщилось и забеспокоилось...

- Что это, что это? – прошептал Юрьич и испугался собственного шепота, похожего на шорох дождя.

Он продолжал бессмысленно двигаться в темноте, когда, наконец, это произошло.

- Нет никакого “я”, - догадался август юрьич, перед тем как окончательно раствориться.

2016

54. Профессор Кислощев

- Видите ли, - сказал проф. Кислощев, пугливо озираясь, - я, наконец-то, придумал, как отличить живое от неживого! Ведь это основная проблема современной науки... Заодно я, кстати, даю осмысленное определение того, что такое жизнь. “Жизнь, - говорю я, - это то, что можно убить.”

- Ой, уморил! - заверещал Вислоухич на соседней койке. - Кислощев, ты дурак и вонючий сумасшедший. Пшел вон отсюда, с глаз моих долой.

Мне стало жалко Кислощева, к которому никто еще ни разу не приходил; передач он тоже никаких не получал.

И я сказал Вислоухичу:

- Пал Лаврентьич, я все понимаю, ваш уровень, конечно, высокий очень, не то, что у нас. Ну, жалко же все-таки человечка. Пусть говорит, что хочет. Нам с ним тут еще две недели валандаться...

Он отвечает:

- Зеленый ты еще, Санек. Твоего Кислощева я бы в палату для психов навечно перевел. Пожизненно. Будешь с ним еще общаться, уважение мое потеряешь, придурок.

Я говорю:

- Пал Лаврентьич, я же не нарочно, не хотел вас обидеть, честное слово. Я же знаю, вы человек более высокого, так

сказать, уровня, больше обо всем знаете в силу образования и, так сказать, по службе...

Но он не стал меня даже слушать и вышел в коридор свежим воздухом из окошка подышать .

И тут Кислощев, представьте себе, говорит:

- Вот и хорошо, сейчас я тебе, Санек, доскажу свою мысль. Вот тело человеческое, оно питается всякой едой, уж это ты хорошо понимать должен в своем возрасте. А человеческое “Я” питается информацией. Уже скоро это будет основной вопрос – жива ли какая-нибудь железяка с проводочками внутри и нужно ли с ней уважительно обращаться (ну, как ты, к примеру, с Вислоухичем) или это мертвая хрень...

Я отвечаю:

- Слушайте, Кислощев, ну что вы такое несете? Разве может железяка быть живой?

Тут Кислощев понизил голос и говорит:

- Вот, пока этот не пришел, я тебе скажу. Может. В принципе – это не запрещено. А все, что не запрещено, то разрешено!

Ну, тут, конечно, произошла небольшая неприятность.

Оказывается, Пал Лаврентьич за дверью стоял и все случайно слышал. Мне прямо аж дурно стало. Все-таки он человек влиятельный.

Но он, слава Богу, проявил великодушие.

Вошел и говорит:

- Жизнь, как каждому дураку известно, - это устойчивое неравновесие. А ты, Кислощев, даже этого не знаешь, а

учить всяких зеленых придурков берешься. И это тебе должно быть запрещено!

Я, само собой, не обиделся, я же понимаю, что он из хорошего отношения ко мне так говорит и вообще обо мне по-своему заботится.

Кислощеев говорит:

- Глупости все это. Вот, допустим, человек заболел тяжело и умирает. Вот его последние минуты текут. Его состояние неустойчивое, он вот-вот умрет. Но он все еще жив. Значит, определение неправильное и глупое.

Только я хотел ему пасть заткнуть, чтобы он еще глупостей каких-нибудь не наговорил, как Пал Лаврентьич как даст мне легонько по уху, ну я и отлетел прямо к стенке, чуть столик с пробирками не сшиб.

И тут Пал Лаврентьич, как ни странно, говорит:

- Ну и как же ты, Кислощеев, собираешься живое от мертвого отличать?

А Кислощеев ему:

- Очень просто. Питание не отключаем. Информацию через все сенсоры отключаем. Если функционирует нормально в течение контрольного промежутка времени, то , значит, мертвая железяка. В противном случае, сами понимаете...

И тут Пал Лаврентьич опять меня удивил. Вместо того, чтобы дать Кислощееву тоже в ухо, он ему говорит спокойно:

- В общем, ничего особенно нового. Хотя отчасти любопытно. Вот если мы ему (тут он показал пальцем на меня) отключим сенсоры на недельку, что будет?

- Ну, узнаем наверняка, был ли он жив, - ответил профессор.

2018

55. Песочные часы

- Жизнь, - говорит он, дожевав бутерброд, - это песочные часы. (Он – это Петр Иванович, мой сосед. Крепкий еще старик, даже не совсем старик, физкультурой занимается и вообще следит за собой. Такой проживет еще – о-го-го...)

Ну, я не могу с ним не согласиться, а согласиться – тоже не могу.

- К счастью, - отвечаю я ему, - никто не знает, сколько в верхнюю колбочку насыпано. Это все равно, что часы без стрелок и без циферблата. Внутри тикает, а толку?

- Это ты правильно заметил, Петя, - говорит он, чему-то радуясь. – Часы есть, а что они показывают, непонятно. Все равно, что нет у тебя часов.

- Да, - продолжаю я, - и от этого как-то веселее живется. Вот, допустим, знал бы я, что мне еще осталось вот в точности столько-то лет. Тогда я ни за что не пошел бы в институт учиться. Зачем мне это надо, если каждый день идет этот обратный отсчет. День прошел – и ровно на один день могилка с оградкой ближе... Поэтому меня лично вполне устраивает то, что есть.

Он пожевал-пожевал губами и говорит:

- Я, как ты, может быть, видишь, - абсолютно здоровый человек. Морально и физически. Тем не менее, у меня есть такие часы. И настроены они не на двадцать лет, а примерно года на три или даже на два...

Я, конечно, удивляюсь:

- Не может этого быть. Вы, Петр Иванович, еще меня переживете. Вы в нашем доме, может быть, самый здоровый и жизнерадостный человек. Пробежки в любую погоду делаете, гантели на балконе поднимаете, новостями интересуетесь, кроссворды решаете... Все на вас смотрят и завидуют.

Он отвечает:

- Так-то оно так, но такие часы у меня есть.

Ничего не стал объяснять и ушел свою кошку кормить. Тоже, кстати, немолодую. Четырнадцать лет ей или даже пятнадцать.

Точно не помню.

2018

ОЧИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА

(логическая драма в одном действии)

На сцене двое и большое оцинкованное ведро. Оба говорят, обращаясь к публике.

ПЕРВЫЙ. Дамы и господа! Я рад, что вы сегодня собрались, чтобы послушать меня и посмотреть на эту, прямо скажем, мерзость! На этого законченного, опустившегося стукача...

ВТОРОЙ. Как он может! Откуда он взял?

ПЕРВЫЙ. Вы только посмотрите на него – какие у него отвислые щеки и тощая шея... Это же стукач. Так бы и задушил его за черепашью шею. Шучу, конечно.

ВТОРОЙ. Он что, не понимает, что меня оговорили? Но кто... *(смотрит на Первого)*

ПЕРВЫЙ. Как вы все прекрасно знаете, я разбираюсь в стукачах и легко определяю их по внешнему виду. Так вот, он – типичнейший стукач. Вы только посмотрите, как он дергается, жметя. Нелюдь!

ВТОРОЙ. *(закрывает лицо руками)* Какой ужас! Все подстроено...

ПЕРВЫЙ. Что подстроено?! Кому ради такого ничтожества понадобилось бы что-то подстраивать? Ведь это жалкий тип. Не человек, а пустое место. Ничто!

ВТОРОЙ. Не слушайте его! Пусть он лучше сам объяснит, как...

ПЕРВЫЙ. *(перебивает)* Что значит “не слушайте его”? Свободу слова еще никто не отменял!

ВТОРОЙ. *(пытается продолжить)* Пусть объяснит... Как могло быть... В то время, как...

ПЕРВЫЙ. Обратите внимание : еще один характерный штрих. Он разговаривает намеками. Слова не может прямо сказать, как это делаем мы, нормальные люди... Делает вид, что чего-то боится. Поганец! Сейчас я ему все объясню! *(обливает Второго помоями из ведра. Второй уползает на четвереньках.)* Да, с ними только так и можно. Пусть теперь отмывается. Если сможет, конечно. Долго ему еще отмываться. Вы думаете – мне это легко далось? Что я лишен элементарной жалости? *(В зале крики: Нет, нет! Мы так не думаем!)* Но кто-то ведь должен выполнять эту нелегкую работу по очищению нашего общества... Чтобы мы все могли доверять друг другу!

Занавес

СПЕЦПРАЧЕЧНАЯ

(маленькая грустная пьеса)

Действующие лица: клерк; господин в зеленых очках

КЛЕРК. *(сидит один за столом)* Следующий!
(входит тупорылый господин в зеленых очках)
Вы-то хоть понимаете , куда пришли? А то ходят тут всякие со своим грязным бельем ! Дуры!

ГОСПОДИН. Понимаю, понимаю...

КЛЕРК. Извините, я немного раздражен. Ходят тут, понимаете ли, настоящих клиентов распугивают. Таких вот , как вы. А я человек опытный. Я настоящего клиента сразу чую! *(нюхает)* Ну и разит же от вас! Вы – некрофил? Пассивный? *(у господина отвисает челюсть)* Так вот , я вам скажу, это будет, будет стоить... *(листает прейскурант)*
Эксгумация, вакцинация...

ГОСПОДИН. Да что вы такое говорите!

КЛЕРК. *(не слушает его)* Маленький такой следственный экспериментик, и будете опять – достойный член общества! Все грязные слухи – опровергнуты! И это будет стоить...

ГОСПОДИН. Прекратите немедленно! Я примерный семьянин! У меня совсем другое... На букву “эс”...

КЛЕРК. *(бурчит, листая прейскурант)* Пожалуйста, пожалуйста, примерный – так примерный...
(в сторону , с горечью)

Он думает, что он – примерный семьянин! Куда катится этот мир! (*обращаясь к господину*) Ну, это вам подешевле обойдется... скотоложество...

ГОСПОДИН. Вы – что, совсем ничего не понимаете? (*решается сказать*) Я сту... сту... стульчик можно возьму? А то стоять устал...

КЛЕРК. Вот я старый дурень! Не мог догадаться! (*жмет господину руку*) Тут вашего брата столько ходит... Валом валят... Можете не беспокоиться, все сделаем в лучшем виде. Думать будут не на вас. (*в сторону, с горечью*) Хотя кто тут, собственно говоря, кроме меня, умеет думать?

Занавес

СПРАВКА

(пьеска)

Действующие лица:

1. Автор;

2. Персонаж (впоследствии – Вухоплюйский, он же Вухоствольский)

АВТОР. Вот незадача – не знаю как тебя назвать – так , чтобы никто на свой счет твою фамилию не принял. Надо что-то необычное придумать... Что-то такое-эдакое... Но, чтобы не вульгарно было... Ох , стар я что-то стал ...
(бормочет под нос) Свойский, Хвойский, Тарарайский – все не то!

ПЕРСОНАЖ. Ну, давайте уж поскорее, что ли. Надоело тут мерзнуть без толку. Вообще-то у меня и своя фамилия есть. Но – согласен на любую: например, Правдобрцев-Сибирский...

АВТОР. (с наглой улыбкой) Придумал! Вухоплюйский ты!

ПЕРСОНАЖ. (возмущенно) Что за фамилия странная...
Что вы , собственно говоря , хотите этим сказать? Я протестую! Я, знаете ли, буду жаловаться – сами знаете куда!

АВТОР. Вот-вот! Уже получается! Ты же в моей пьесе , знаешь, кем будешь? (*многозначительно постукивает по крышке стола*)

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. (*в сторону*) Этот автор – подозрительный тип. Обязательно сообщу о нем, это мой долг, первейший долг... (*обращается к Автору*) Я пошутил, неужели непонятно? И (*постукивает по крышке стола*) в вашей пьесе я не буду. К тому же у меня справка есть ... (*разворачивает справку и читает*): Дана гражданину Вухоствольскому (это , кстати, моя фамилия) , что он никогда не был членом нашей преступной организации. ... Все. Подпись. Печать. (*сует Автору под нос*) Вот вам, читайте!

АВТОР. (*читает*) Дана такому-то... И вот тут дальше мелким шрифтом : «Применять без колебаний при малейшем подозрении»....Ничего не понимаю! Что применять? При чем подозрении?

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Да справку эту и применять. Показывать то есть. При малейшем вашем подозрении. То есть при моем подозрении, что у вас, значит, возникло подозрение.

АВТОР. (*дрожит*) А у меня , может быть, не возникло. Даже ни капельки не возникло... А вот тут у вас еще краешек оборван : “релять на оражение”– это что?

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Это так, пустяки. Секретарша бланк перепутала. Ну, так кем я там буду в твоей пьеске?

АВТОР. Б-б-б-б...з-з-з-з-з...п-п-п-п-п.....(*падает в обморок*)

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Догадался, значит. И как ему это удалось? Непонятно. Придется, значит, того-этого...

АВТОР. (*ползет на четвереньках*) Нет! Я не догадался! Я ничего не понял! Я круглый идиот!

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. (*говорит в зал*) Не верю ему, не верю...Никому не верю! Как горько , как невыносимо горько персонажу моего возраста остаться без автора! Пусть даже невеликого таланта был человек! (*обращается к Автору*) Прощай, друг! Я буду так одинок! Прими вот это... (*дает Автору таблетку*) Все будет хорошо... Ну, мне пора, спешу!

Занавес

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(документ общественной важности)

Будучи внештатным младшим корректором еженедельника «Сто великих умов нашего тысячелетия», я обнаружил при разборке редакционного архива выцветший листок, очевидно, выпавший из какой-то рукописи. Установить, из какой именно – не удалось, несмотря на все усилия редколлегии. Ввиду несомненной общественной важности найденного документа, я, понимая все возможные риски своего шага, решился представить его вниманию читающей публики.

«...но недавно в кругах высшего общества (к которому я имею честь принадлежать) пронесся слух, что Таинственный Незнакомец – вовсе не верблюд, как принято было считать в последнее время. Не торопитесь, господа! Вот, вы говорите, если он верблюд – то где же оба его горба? А я как опытный знаток природы, объездивший с лучшими караванами мира вдоль и поперек прославленную пустыню Сахару и знающий, как свои пять пальцев, все ее укромные уголки, общавшийся накоротке со знаменитейшими погонщиками, скажу вам так.

В наш лживый век, насыщенный чудесами пластической хирургии, горбы очень легко спрятать – ампутировать и пришить затем, вы догадываетесь – куда. Нет, пока не откроются до сих пор засекреченные архивы, утверждать, что этот тип – не верблюд, я не считаю возможным. Но даже если злосчастные архивы откроются (во что я не верю) и он принесет нам справку – сможет ли эта справка разрешить поставленный вопрос? Конечно, нет! Общеизвестно, что справку о неверблюдстве ТАМ дают только своим... Тем более, что есть косвенные улики, подтверждающие верблюдство Таинственного Незнакомца. Этот господин всегда появляется на людях в плотно зашнурованных ботинках. Еще никто не видел его босым. Вы понимаете, что я веду речь о тщательно скрываемых копытах. Обратите внимание, когда он ходит, раздается характерное цоканье... А теперь посмотрите на его фотографию, на мясистые губы, словно изготовившиеся для плевка... Однажды я случайно оказался в тени дерева и, будучи спрятан в его густой листве, был свидетелем того, как этот субъект, воровато оглянувшись, набрал в рот слюны и сплюнул, причем плевков его был столь обилен, что это сразу же навело меня на размышления... К тому же большая часть плевка попала, к несчастью, на меня! Я чуть не задохнулся от отвращения, но не издал ни единого звука и даже не пошевелился, чтобы не выдать своего присутствия... » (На этом записки обрываются.)

2015

